Графъ С. Ю. Витте.

ПО ПОВОДУ
НАЦІОНАЛИЗМА.

Національная Экономія
и
Фридрихъ Листъ.

517002

2-е изданіе.

Ч/и экз

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Пров 38

3

B5

БИБЛИОТЕКА
Р. ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ

7
31

Типографія Акц Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

Предисловіе.

Около четверти вѣка тому назадъ я написалъ, по поводу одной газетной полемики, брошюру: „Національная экономія и Фридрихъ Листъ“, которая тогда же и была издана. Вскорѣ послѣ того судьба привела меня къ рулю финансовой и экономической политики, а также къ участію въ политическомъ управленіи величайшей Имперіи. Думаю, что моя государственная дѣятельность не противорѣчила мнѣніямъ, которыя я высказалъ, когда стоялъ совсѣмъ вдали отъ власти.

Преклоняясь передъ многими мыслями Листа, который былъ какъ бы предтечей Бисмарка, я считаю этихъ двухъ дѣятелей истинными націоналистами. Однако, новѣйшія теченія показываютъ, что націонализмъ можетъ получать разнообразныя формы и объемъ примѣненія въ зависимости отъ мѣста, времени и степени культуры. Такъ, напримѣръ, Бисмаркъ, объединивъ Германію и создавъ Имперію съ рѣзкимъ выраженіемъ націонализма и съ министерствомъ, завися-

щимъ лишь отъ Императора, не считалъ препятствіемъ къ созданію „національнаго“ государства: конституціонную помѣстную автономію, вѣротерпимость по отношенію подданныхъ не господствующаго вѣроисповѣданія, даже не-христіанъ, равноправность всѣхъ гражданъ внѣ зависимости отъ вѣроисповѣданія и происхожденія, установленіе отношеній правительства ко всѣмъ гражданамъ и ихъ между собою на основаніи незыблемыхъ и одинаковыхъ для всѣхъ законовъ, и проч. Между тѣмъ, многія изъ указанныхъ явленій жизни Германской Имперіи считаются иногда несовмѣстимыми съ національными основами.

Мнѣ представляется, что есть націонализмъ здоровый, убѣжденный, сильный, а потому не пугливый, стремящійся къ охранѣ плодовъ исторической жизни государства, добытыхъ кровью и потомъ народа, и достигающій этой цѣли; — и есть націонализмъ болѣзненный, эгоистичный, стремящійся, повидимому, къ той же цѣли, но какъ подчиняющійся болѣе страстямъ, нежели разуму, нерѣдко приводящій къ результатамъ противоположнымъ. Первый націонализмъ есть высшее проявленіе любви и преданности къ государству, составляющему отечество даннаго народа, — второй составляетъ также проявленіе тѣхъ же чувствъ, но обуреваемыхъ местью, страстями, а потому такой націона-

лизмъ иногда выражается въ формахъ дикихъ для XX столѣтія.

Бисмаркъ былъ націоналистъ перваго рода, а Абдулъ Гамидъ второго. Я думаю, что первый типъ болѣе желательный для блага нашего отечества.

Графъ Витте.

С.-Петербургъ.
Май 1912 года.

ПО ПОВОДУ НАЦІОНАЛИЗМА.

НАЦІОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМІЯ
И
ФРИДРИХЪ ЛИСТЪ.

Ни одна наука не находится въ настоящее время въ столь шаткомъ положеніи, какъ политическая экономія. Достаточно сказать, что даже въ средѣ жрецовъ этой науки являлись и являются лица, которыя совершенно отрицаютъ ея существованіе. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя и продолжаютъ читать лекціи политической экономіи по извѣстному шаблону, тѣмъ не менѣе въ полемикѣ, когда противники ихъ ссылаются на политико-экономическія аксіомы, содержащіяся во всѣхъ учебникахъ, не стѣсняются заявлять, что, молъ, эти аксіомы—бабьи сказки. Почему же наука эта находится въ такомъ состояніи? Подробное разсмотрѣніе этого вопроса не составляетъ предмета настоящихъ статей. Мы желаемъ только указать на то, что одна изъ главныхъ причинъ такого состоянія политической экономіи заключается въ томъ, что большинство экономистовъ допускало смѣшеніе и во всякомъ случаѣ недостаточно разграничивало экономическія понятія по отношенію отдѣльнаго лица, націи (страны) и человѣчества. Между тѣмъ одни и тѣ же экономическія положенія или выводы, справедливые по отношенію лица, могутъ быть совершенно неправильными по отношенію націи, одни и тѣ же положенія или выводы, вѣрные по отношенію націи, могутъ быть вполнѣ ошибочными по отношенію человѣчества и т. д.

Пояснимъ это примѣромъ. Для отдѣльнаго человѣка всякая вещь, хотя сама по себѣ и безполезная, но которая даетъ ему возможность взять отъ другихъ лицъ дѣйствительно полезныя вещи, составляетъ часть его богатства. Напримѣръ, долговая запись Ивана на имущество Петра составляетъ часть богатства Ивана. Но эта долговая запись не составляетъ части богатства страны, коей подданными состоятъ Иванъ и Петръ, а также не составляетъ части богатства человѣчества. Если запись эта уничтожится, то страна, равно какъ и человѣчество, не станутъ ни богаче, ни бѣднѣе. Но если Иванъ подданный одной страны, а Петръ — другой, то эта запись, не составляя части богатства человѣчества, можетъ составить часть богатства страны, коей подданнымъ состоитъ Иванъ. Итакъ, нѣкоторые предметы, сами по себѣ безполезные, хотя не составляютъ части богатства человѣчества, но могутъ составлять часть богатства отдѣльнаго лица, а иногда и отдѣльной страны. Между тѣмъ многіе экономисты-классики, дѣлая совершенно правильное разграниченіе между богатствомъ отдѣльнаго человѣка и человѣчества, недостаточно разграничиваютъ понятія о человѣчествѣ и націи и уже потому неправильно считаютъ національнымъ богатствомъ исключительно только вещи сами по себѣ полезныя или пріятныя и имѣющія мѣновую цѣнность.

Творцы классической политической экономіи, если не всецѣло, то преимущественно, въ своихъ логическихъ построеніяхъ имѣли въ виду не націю, а человѣчество. Они создали науку, которую было бы правильнѣе назвать не политической (общественной), а космополитической экономіей. Ихъ послѣдователи упустили изъ виду это обстоятельство, а потому начали проповѣдывать космополитическія экономическія аксіомы, какъ непреложные законы для національнаго общежитія. Между тѣмъ факты и сама жизнь во многихъ случаяхъ шли въ разрѣзъ съ этими законами. Вслѣдствіе этого явилось, съ одной стороны, сомнѣніе въ правѣ на существованіе политической экономіи, какъ науки, а съ другой — тупое доктринерское отрицаніе всѣхъ тѣхъ національныхъ потребностей,

которыя не согласуются съ принципами творцовъ политической экономіи. Отрицать научное право классической политической экономіи только потому, что нѣкоторые принципы ея не согласуются съ хозяйственною жизнью различныхъ странъ, такъ же нелогично, какъ нелогично, напримѣръ, отрицать научное право математическаго анализа потому, что многіе выводы его не имѣютъ житейскаго примѣненія. Требовать же лѣченія всѣхъ экономическихъ недуговъ страны по рецептамъ космополитической экономіи такъ же безсмысленно, какъ, напримѣръ, требовать устройства какого-либо двигателя по формуламъ аналитической механики, безъ принятія во вниманіе качества матеріаловъ, условій сопротивленія и атмосферическихъ вліяній. Для того, чтобы жизнь страны могла регулироваться принципами космополитической экономіи, принципы эти должны прежде всего получить видоизмѣненіе, соотвѣтствующее наличнымъ національнымъ условіямъ, точно такъ, какъ формулы аналитической механики для примѣненія къ жизни преобразуются въ формулы практической механики, принимающей во вниманіе физическія условія нашей планеты. Оставаясь въ области взятаго нами сравненія, можно сказать, что классическая политическая экономія аналогична аналитической механикѣ; для примѣненія ея къ національной жизни она должна преобразовываться въ національную экономію, подобно тому, какъ аналитическая механика преобразовывается въ практическую; наконецъ, для того, чтобы національная экономія могла примѣняться къ жизни данной страны, должны быть приняты еще во вниманіе индивидуальныя ея особенности, точно такъ, какъ для примѣненія формулъ практической механики къ данному случаю или категоріи случаевъ въ формулы эти должны быть вставлены численные коэффиціенты, соотвѣтствующіе даннымъ условіямъ этихъ случаевъ.

Если бы умственная жизнь настоящаго столѣтія не была подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ космополитизма, то несомнѣнно, что параллельно развитію политической экономіи развилась бы прикладная часть этой науки — національная

экономія. Но космополитическая аберрація не только не дала возможности пріобрѣсти этой прикладной наукѣ права гражданства во всѣхъ государствахъ, но кромѣ того установила разномыслие въ житейскомъ пониманіи принциповъ политической экономіи.

Мы, русскіе, въ области политической экономіи, конечно, шли на буксирѣ Запада, а потому при царствовавшемъ въ Россіи въ послѣднія десятилѣтія безпочвенномъ космополитизмѣ нѣтъ ничего удивительнаго, что у насъ значеніе законовъ политической экономіи и житейское ихъ пониманіе приняли самое нелѣпое направленіе. Наши экономисты возымѣли мысль кроить экономическую жизнь Россійской имперіи по рецептамъ космополитической экономіи. Результаты этой кройки на лицо. Отдѣльнымъ голосамъ, возстававшимъ противъ такого сумасбродства, наши проповѣдники, облекшись въ тогу попугайской учености, возражали теоремами изъ учебниковъ политической экономіи. Несомнѣнно, что такой способъ доказательства въ глазахъ толпы имѣлъ и имѣетъ значительную убѣдительность. Толпа вѣритъ и не можетъ не вѣрить въ теоремы учебниковъ политической экономіи по ихъ буквѣ, а не разуму. Подобнаго рода возраженія продолжаютъ сыпаться ежедневно, а потому едва ли не полезно пролить нѣкоторый свѣтъ на значеніе этихъ возраженій. Источникомъ такого свѣта служитъ знаменитое сочиненіе Фридриха Листа „Національная система политической экономіи“. Замѣчательно, что это сочиненіе до сихъ поръ не переведено на русскій языкъ *), хотя у насъ имѣется въ переводѣ много экономическихъ книгъ космополитическаго направленія весьма сомнительнаго достоинства. Сочиненіе это совсѣмъ неизвѣстно русской публикѣ и весьма мало извѣстно многимъ русскимъ экономистамъ-космополитикамъ. Между тѣмъ оно въ серьезной западной экономической литературѣ признано явленіемъ, изъ ряда вонъ выходящимъ. Листъ составилъ эпоху не только въ научной, но и въ практической

*) Послѣ 1-го изданія настоящей брошюры, оно было переведено подъ редакціей К. В. Трубникова и издано въ 1891 году.

жизни Германіи. Онъ положилъ въ своемъ отечествѣ основаніе науки, называемой національной экономіей (въ противоположность политической экономіи), — науки, подъ этимъ заглавіемъ читаемой во всѣхъ университетахъ. Онъ былъ пророкомъ настоящаго величія Германіи, созданнаго княземъ Бисмаркомъ по началамъ его доктрины. Мы этимъ не хотимъ сказать, что князь Бисмаркъ доктринерски руководствовался или даже вообще сообразовался съ сочиненіемъ Листа; но несомнѣнно, что то, что дѣлалъ и дѣлаетъ князь Бисмаркъ для величія своего отечества, было замѣчательно точно указано Листомъ, какъ необходимое для преуспѣянія націи вообще и Германіи въ особенности. Судя же по печатнымъ отзывамъ, „Національная экономія“ Листа состоитъ въ числѣ настольныхъ книгъ князя. По нашему мнѣнію, въ настоящее время основательное знакомство съ „Національной системой политической экономіи“ составляетъ необходимость для всякаго вліятельнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля. Чтеніе національной экономіи въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ прикладной части политической экономіи, могло бы принести громадную пользу. Вѣроятно, тогда мы избѣжали бы въ будущемъ многихъ колебаній и аберрацій въ экономическихъ мѣропріятіяхъ. Мы же считаемъ полезнымъ хотя бѣгло ознакомить читателей съ нѣкоторыми взглядами, такъ убѣдительно и доказательно проводимыми въ сказанномъ сочиненіи. При этомъ, излагая мысли Листа, мы будемъ стараться говорить его же словами.

I.

Начиная говорить о „Національной системѣ политической экономіи“, нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ о знаменитомъ авторѣ этого сочиненія.

Фридрихъ Листъ родился въ 1789 году въ Рейтлингенѣ, вольномъ городѣ Швабіи. Тамъ онъ получилъ школьное образованіе и 14-ти лѣтъ уже началъ изучать сыромятничество у своего брата. Но такое занятіе не было по немъ: онъ все стремился къ умственной работѣ и книгамъ. Бросивъ это

ремесло, онъ нѣкоторое время занимался въ городскихъ администраціяхъ и, наконецъ, получилъ видное мѣсто въ центральной администраціи Виртемберга. Здѣсь онъ пріобрѣлъ особое расположеніе министра Вагенгейма. Этотъ министръ основалъ факультетъ въ Тюбингенѣ и предложилъ въ немъ каѳедру своему сотруднику Листу. Одновременно Листъ открылъ журналъ „Другъ швабскаго народа“. Но министръ скоро потерялъ свое мѣсто, и Листъ лишился каѳедры и прекратилъ изданіе своего журнала. Рейтлингенъ выбралъ его своимъ представителемъ, но выборъ этотъ былъ кассированъ, такъ какъ Листу не было 30-ти лѣтъ. Тогда Листъ задался идеей уничтоженія въ Германіи внутреннихъ таможенъ, коей онъ явился, до конца своей жизни, самымъ рьянымъ поборникомъ. Онъ говоритъ по этому предмету рѣчи, пишетъ статьи, входитъ въ обширныя сношенія съ торговымъ міромъ и „коммерческимъ обществомъ“, подаетъ записки министрамъ и монархамъ. Въ 1820 году Рейтлингенъ его снова выбираетъ своимъ представителемъ въ виртембергскій парламентъ. Съ первыхъ же засѣданій парламента онъ требуетъ уничтоженія внутреннихъ таможенъ, установленія годичныхъ бюджетовъ, равномѣрныхъ налоговъ; наконецъ, онъ ведетъ агитацію для организаціи парламентской оппозиціи. Министерство на основаніи конституціи требуетъ удаленія его изъ парламента. Удаленіе это, несмотря на энергическую и прекрасную рѣчь Листа, принимается большинствомъ членовъ парламента. Независимо сего судъ приговариваетъ Листа къ десятимѣсячной каторжной работѣ. Тогда онъ бѣжитъ во Францію. Черезъ два года, разсчитывая на монаршую милость, онъ возвращается въ Виртембергъ. Здѣсь его арестуютъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выпускаютъ съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ предѣловъ отечества. Онъ уѣзжаетъ въ Америку. Это было въ 1825 году. Въ Америкѣ Листъ напечаталъ на англійскомъ языкѣ рядъ экономическихъ статей, произведшихъ значительную сенсацію. Въ этихъ статьяхъ уже содержится зерно, развившееся въ „національную систему“. Тамъ случайно, во время про-

гулки, Листъ открываетъ значительную залежь каменнаго угля. Онъ немедленно образуетъ компанію для ея эксплоатаціи Предпріятіе это пошло хорошо и въ будущемъ обѣщаетъ значительные барыши. Для удобнаго сбыта угля, по проекту Листа, строится желѣзная дорога, соединяющая эти копи съ каналомъ. Листъ дѣлается состоятельнымъ человѣкомъ Но онъ думаетъ только о своей родинѣ. „Я только-что перечиталъ, пишетъ онъ въ 1828 году одному изъ своихъ друзей, мою корреспонденцію съ „коммерческимъ обществомъ". Какія воспоминанія! Это были золотые дни надеждъ. Я болѣлъ тоскою по родинѣ шесть недѣль, но до сихъ поръ не могъ заниматься дѣлами Америки. Я для моего отечества то же, что мать для некрасивыхъ дѣтей: она ихъ любитъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе они обижены природой. Въ основаніи всѣхъ моихъ проектовъ — Германія, возвращеніе въ Германію!" Почти въ то же время онъ пишетъ близкому лицу къ королю баварскому рядъ писемъ, пропагандирующихъ необходимость постройки въ Германіи желѣзныхъ дорогъ — писемъ, которыя были тогда же опубликованы. Онъ пишетъ самому королю по тому же предмету. И тогда, когда еще въ Англіи желѣзныя дороги не поколебали всѣхъ сомнѣній въ ихъ полезности — въ этомъ письмѣ онъ восклицаетъ: „какая прекрасная побѣда ума человѣческаго надъ матеріей!" и съ поразительнымъ предвидѣніемъ предсказываетъ, какую роль будутъ играть желѣзныя дороги въ будущемъ. Но его все тянетъ въ родную страну. Наконецъ, онъ получаетъ отъ президента Янсона порученіе вести переговоры съ Франціей по вопросу коммерческихъ отношеній этой страны съ Америкой и одновременно получаетъ мѣсто американскаго консула въ Гамбургѣ. Немедленно по пріѣздѣ въ Европу онъ печатаетъ на французскомъ языкѣ цѣлый рядъ статей по вопросамъ экономическимъ, а равно касающимся желѣзныхъ дорогъ. Во Франціи онъ встрѣчается съ инженеромъ Рожье, впослѣдствіи основателемъ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и внушаетъ ему идею необходимости соединенія желѣзной дорогой Антверпена съ Рейномъ. Но Гамбургъ про-

тестуетъ противъ его назначенія. Окончивъ переговоры съ Франціей, онъ снова возвращается въ Америку и черезъ два года получаетъ мѣсто американскаго консула въ Лейпцигѣ. Немедленно по возвращеніи въ Германію онъ начинаетъ пропагандировать постройку сѣти германскихъ желѣзныхъ дорогъ, и пропаганда его имѣла значительное вліяніе на ускореніе постройки этихъ дорогъ. Независимо отъ многихъ отдѣльныхъ статей по экономическимъ вопросамъ, въ это время имъ напечатанныхъ, въ 1835 г. онъ началъ издавать „Журналъ желѣзныхъ дорогъ", который имѣлъ значительный успѣхъ. Въ 1837 году Листъ получилъ извѣстіе, что промышленный кризисъ въ Америкѣ его окончательно разорилъ. Для наведенія справокъ по этому дѣлу онъ отправился въ Парижъ. Здѣсь онъ былъ отлично принятъ и представленъ Луи-Филиппу. Въ это время парижская академія наукъ назначила конкурсъ на мемуаръ по вопросу о международной торговлѣ. Онъ принялъ участіе въ этомъ конкурсѣ, и его мемуаръ, поданный по этому вопросу и получившій премію, снова обратилъ его мысли къ національной экономіи. Вернувшись въ Германію, онъ началъ преимущественно заниматься „національной системой", которая и появилась въ 1841 году. Появленіе этого сочиненія произвело фуроръ. Имя Листа начало гремѣть во всей Германіи и, какъ обыкновенно бываетъ, одни расточали похвалы, а другіе — ругательства. Наконецъ, каторжникъ достигнулъ своей цѣли: вслѣдствіе аудіенціи, которую ему предоставилъ король виртембергскій, судъ уничтожилъ свой приговоръ. Тогда онъ еще съ большею силою возвращается къ идеѣ уничтоженія внутреннихъ таможенъ и образованія германскаго таможеннаго союза. Съ 1843 года онъ началъ изданіе „Газеты таможеннаго союза", которое имѣло сильное вліяніе на объединеніе экономической жизни Германіи. Объединеніе это, конечно, было всего опаснѣе для Англіи. Тамъ слѣдили за каждымъ словомъ, сказаннымъ Листомъ въ его газетѣ. Англійскій министръ-резидентъ доносилъ въ Лондонъ, что Листъ является самымъ опаснымъ человѣкомъ для интересовъ Англіи. Листъ долженъ былъ безпрерывно бороться

со своими иностранными противниками и отечественными фритредерами. Между тѣмъ онъ оставался съ весьма скудными средствами; потерявъ состояніе, онъ жилъ исключительно своимъ перомъ, которое въ то время въ особенности не могло давать достаточныхъ средствъ. Бурная жизнь и постоянный умственный трудъ значительно ослабили его здоровье. Онъ ищетъ успокоенія въ путешествіяхъ. Но путешествія его всегда носили дѣловой характеръ. Во всѣхъ своихъ путешествіяхъ онъ пропагандируетъ словесно и посредствомъ печати излюбленную имъ идею экономическаго объединенія Германіи. Въ это время онъ достигъ апогея своего вліянія; гдѣ бы онъ ни появлялся, всюду онъ возбуждалъ энтузіазмъ; онъ былъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточивались всѣ наиболѣе важные интересы страны, — онъ былъ, какъ его тогда называли, главный агентъ Германіи (Der Allgemeine Deutsche Consulent). Во время одного изъ такихъ путешествій онъ умеръ въ гостиницѣ въ Куфстенѣ, въ 1846 году.

Какъ только распространилась вѣсть о его смерти, во всѣхъ концахъ Германіи начали воздавать ему честь, которую далеко не такъ единодушно ему воздавали, когда онъ былъ живымъ. Тогда только его соотечественники поняли, какую они понесли потерю. Похвалы доходили до того, что его сравнивали съ Лютеромъ. Съ людьми, подобными Листу, обыкновенно оправдывается поговорка: divus dum ne sit vivus.

Сказанное о жизни Листа объясняетъ причины той силы жизненной правды, которою дышитъ его знаменитое сочиненіе.—Листъ былъ человѣкъ геніальнаго ума съ значительной научной эрудиціей, пріобрѣтенной преимущественно посредствомъ самообразованія. Хотя во время жизни Листа нѣкоторые его противники и находили, что его воззрѣнія составляютъ плодъ недостаточной учености, но едва ли теперь найдется хотя одинъ серьезный экономистъ, даже и внѣ предѣловъ Германіи, который позволитъ себѣ высказать подобное воззрѣніе. Но Листъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ ученыхъ экономистовъ, которые проводятъ всю свою

жизнь въ кабинетѣ какого-либо университетскаго города, имѣя дѣло лишь со своими товарищами-профессорами и слушателями, а по части экономическихъ сношеній — только со своею прислугою. Онъ всю свою жизнь былъ въ самыхъ дѣятельныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ массою промышленниковъ, торговыхъ людей и коммерческими обществами. Онъ самъ сдѣлался промышленникомъ, нажилъ большое состояніе на промышленномъ предпріятіи и на немъ же потерялъ это состояніе. Листъ непосредственно также занимался торговыми государственными дѣлами. Подобная дѣятельность дала ему возможность уразумѣть и согласить абсолютность ученія классической политической экономіи съ относительностью жизненныхъ явленій. Но самое главное, что дало ему возможность создать свое знаменитое сочиненіе, это то, что онъ былъ въ полномъ смыслѣ истиннымъ сыномъ своего отечества. Онъ родился нѣмцемъ и оставался до гроба нѣмцемъ въ душѣ, несмотря на всѣ буйныя политическія перипетіи его жизни. Политическія событія его выбрасывали изъ отечества. Но это не только не поколебало его любви къ нему, но, напротивъ, усилило ее. При первой возможности онъ бросилъ въ Америкѣ свое обезпеченное положеніе для того, чтобы вернуться на родину, трудиться тамъ для объединенія Германіи и потомъ умереть въ бѣдности. Только люди, одаренные сильнымъ національнымъ чувствомъ, способны создавать выдающіяся произведенія въ области наукъ политическихъ и соціальныхъ.

Листъ всю свою жизнь преслѣдовалъ, а отчасти и осуществилъ экономическое единеніе Германіи. Идея національнаго единства составляетъ также основаніе его „Національной системы“. Эта задача, которая была только намѣчена Листомъ, получила осуществленіе благодаря тому, что Провидѣніе дало Германіи другого великаго человѣка въ лицѣ князя Бисмарка.

Всѣ желанія, всѣ проекты Листа по отношенію своей родины, нынѣ отчасти осуществленныя, а отчасти осуществляемыя знаменитымъ канцлеромъ, резюмированы въ слѣ-

дующихъ строкахъ конца предисловія автора „Національной системы“:

„Извѣстно, куда ведетъ раздробленная національность, которая по отношенію настоящей національности то же, что куски разбитой вазы по отношенію къ цѣлому; это еще всѣмъ памятно. Еще не прошло время жизни человѣка съ тѣхъ поръ, какъ морскіе берега Германіи носили имена французскихъ департаментовъ, съ тѣхъ поръ, какъ священная рѣка Германіи давала свое имя фатальной конфедераціи чужеземнаго завоевателя, съ тѣхъ поръ, какъ сыны Германіи проливали свою кровь въ пылающихъ пескахъ юга, точно такъ, какъ и въ замерзшихъ поляхъ сѣвера для славы и амбиціи чужестранца“.

„Мы хотимъ говорить о національномъ единствѣ, которое бы предостерегло насъ, нашу промышленность, нашу династію и наше дворянство отъ возврата къ подобному времени; мы не желаемъ ничего болѣе“.

„Но вы, столь рѣшительные противники возвращенія галльскаго владычества, находите ли вы терпимымъ и доблестнымъ, чтобы ваши рѣки и ваши порты, ваши берега и ваши моря продолжали находиться подъ британскимъ вліяніемъ?“

II.

Книга знаменитаго экономиста, за исключеніемъ предисловія и введенія, состоитъ изъ четырехъ частей: исторія, теорія, система и политика. Но во введеніи содержится смыслъ всего сочиненія.

Съ первыхъ же строкъ введенія Листъ такимъ образомъ опредѣляетъ всю важность для страны созданія правильной національной экономической системы: „Бѣдныя, слабыя и варварскія страны обязаны преимущественно мудрости своей экономической системы, что онѣ стали богатыми и сильными, а другія страны, достигшія значительнаго блеска, помрачились отъ недостатка хорошей системы; были даже націи, лишенныя свободы и политической жизни въ особен-

ности потому, что ихъ коммерческое управленіе не пришло на помощь укрѣпленію и развитію ихъ національности".

Князь Бисмаркъ, повидимому, держится того же взгляда. Послѣ военнаго Седана, когда Франція выказала столько экономической силы, онъ не почилъ на лаврахъ — и сейчасъ же пришелъ на помощь укрѣпленію и развитію германской націи посредствомъ національной экономической системы. Сдѣлавшись министромъ торговли и взявъ въ свои руки преобразованіе всей экономической германской жизни, онъ укрѣпилъ результаты военнаго Седана — Седаномъ промышленнымъ. Кстати сказать, у насъ, къ сожалѣнію, дѣлалось нѣчто противоположное. Парижъ, Севастополь, равно какъ и Санъ-Стефано, какъ будто послужили къ вящшему растравленію хозяйственной жизни народа посредствомъ примѣненія экономическихъ доктринъ, недостаточно сообразованныхъ съ національными потребностями.

Несмотря на указанную важность экономической политики для жизни народовъ, по поводу этой политики, говоритъ Листъ, существуетъ полное разногласіе. Между тѣмъ такого разногласія въ существѣ вещей нѣтъ. Политическая экономія, говоритъ Листъ, основывается на философіи, политикѣ и исторіи. Далѣе онъ продолжаетъ·

„Въ интересахъ будущаго и человѣчества философія требуетъ: наиболѣе тѣснаго сближенія между собою различныхъ націй, стреченія, насколько это возможно, отъ войнъ, укрѣпленія и развитія международнаго права, перехода, какъ говорится нынѣ, правъ людей въ право федераціи, свободы въ сношеніяхъ между собою народовъ какъ въ области моральной, такъ и матеріальной, единенія всѣхъ народовъ подъ верховенствомъ права или универсальной ассоціаціи".

Это—мечта и осуществленіе этой мечты представляется Листу весьма отдаленнымъ; если она сбудется, то только „можетъ быть, черезъ нѣсколько столѣтій", а потому онъ жестоко возстаетъ противъ тѣхъ, которые считаютъ, что эта мечта можетъ нынѣ же осуществиться, безъ соображенія съ политикой, которая, наоборотъ, требуетъ:

„Въ интересахъ того или другого народа въ частности гарантіи его существованія и независимости мѣръ, долженствующихъ споспѣшествовать его цивилизаціи, его благосостоянію, его силѣ, улучшить его соціальное положеніе такъ, чтобы сдѣлать вполнѣ и гармонически развитой организмъ во всѣхъ его частяхъ, совершенный въ самомъ себѣ и политически независимый".

Вотъ различіе между идеями классической политической экономіи (называемой Листомъ „школою") и идеями національной экономіи. Первыя идеи — будущее, вторыя — настоящее Философія — далекое будущее; политика есть настоящее со всѣми ея нуждами и потребностями.

Но не слѣдуетъ думать, что, противопоставляя философіи (идеямъ классической экономіи) политику (идеи національной экономіи), Листъ устанавливаетъ между ними антагонизмъ. Напротивъ того, онъ указываетъ, какимъ образомъ идеи эти примиряются.

„Исторія, говоритъ Листъ, ясно указываетъ потребности будущаго, поучая, какимъ образомъ во всѣ эпохи матеріальный и интеллектуальный прогрессъ былъ въ соотношеніи съ *объемомъ* политической ассоціаціи и коммерческихъ отношеній. Но она въ то же время оправдываетъ потребности политики и національности, поучая, какъ націи погибали потому, что недостаточно охраняли интересы своей культуры и могущества, какъ совершенно свободная торговля съ опередившими націями была выгодна для народовъ, находившихся въ первичныхъ фазисахъ своего развитія, но какъ тѣ народы, которые уже совершили извѣстный путь, могли итти далѣе только посредствомъ нѣкоторыхъ ограниченій въ торговлѣ съ иностранцами и такимъ образомъ стать наравнѣ съ тѣми народами, которые ихъ опередили". Итакъ, исторія указываетъ на способы взаимнаго согласованія требованій философіи и политики.

Поборники свободнаго обмѣна (фритредеры) не допускаютъ никакихъ ограниченій въ международныхъ сношеніяхъ. Всякое такое ограниченіе они называютъ посягатель-

ствомъ на здравый смыслъ, прогрессъ и даже мораль. Ихъ противники — протекціонисты, наоборотъ, хотя и не отрицаютъ въ принципѣ свободнаго обмѣна, но они вмѣстѣ съ Листомъ убѣждены, что этотъ принципъ не можетъ быть примѣняемъ при настоящей стадіи международнаго общежитія; они не отрицаютъ философіи свободы, но они утверждаютъ, что для примѣненія ея необходимо, чтобы надъ всѣмъ человѣческимъ міромъ царствовала мудрость. „Ограниченія — средство, говоритъ Листъ, а свобода — цѣль“. Мы принадлежимъ человѣчеству и потому не можемъ быть равнодушны къ его преуспѣянію; но мы прежде всего русскіе, точно такъ, какъ Листъ и князь Бисмаркъ — нѣмцы, а потому совершили бы преступленіе, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленныхъ и гипотетическихъ интересовъ человѣчества. Проповѣдники свободы торговли безусловно неправы не только по отношенію настоящаго, но также и по отношенію средствъ достиженія будущаго, ибо будущая свобода международныхъ отношеній можетъ быть достигнута только посредствомъ ограниченій въ интересахъ той или другой націи въ настоящемъ. Но будемъ говорить словами Листа: „Ассоціація индивидуальныхъ силъ для достиженія общей цѣли представляетъ наиболѣе вѣрное средство для осуществленія благосостоянія лицъ. Одинокій человѣкъ, оторванный отъ себѣ подобныхъ, слабъ и безсиленъ. Чѣмъ больше число людей, съ которыми онъ соединенъ, чѣмъ ассоціація совершеннѣе, тѣмъ больше и совершеннѣе результаты, т.-е. нравственное и матеріальное благосостояніе“.

„Самая высокая степень ассоціаціи людей, которая нынѣ можетъ быть реализирована, это — государство, нація; самая высокая, о которой можно мечтать, это — человѣчество. Точно такъ, какъ отдѣльный человѣкъ гораздо счастливѣе въ государствѣ, нежели въ одиночествѣ, всѣ націи гораздо болѣе преуспѣвали бы, если бы были соединены правомъ, общимъ міромъ и свободнымъ обмѣномъ. Сама природа постепенно ведетъ націи къ этой совершеннѣйшей ассоціаціи, вынуждая

ихъ, вслѣдствіе различія климатовъ, земли и производительности, къ обмѣну, вслѣдствіе излишка населенія и капиталовъ — къ эмиграціи и основанію колоній. Международная торговля, возбуждая дѣятельность и энергію созданіемъ новыхъ потребностей, перемѣщеніемъ отъ одной націи къ другой идей, открытій и силъ, составляетъ одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ цивилизаціи и благоденствія народовъ".

„Но покуда единеніе народовъ посредствомъ торговли еще весьма несовершенно, такъ какъ оно прервано или, по крайней мѣрѣ, ослаблено войнами и эгоистическими мѣрами тѣхъ или другихъ народностей".

„Черезъ войну нація можетъ быть лишена своей независимости, своего имущества, своей свободы, своихъ учрежденій и законовъ, своей самобытности и вообще степени культуры и благосостоянія, до которыхъ она достигла; она можетъ быть порабощена. Эгоистическими мѣропріятіями чужеземцевъ ея экономическое развитіе можетъ быть смущено и замедлено". „Въ настоящее время, слѣдовательно, главная забота націи должна заключаться въ сохраненіи, развитіи и совершенствованіи ея національности. Въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго и эгоистическаго; это стремленіе разумно и совершенно согласно съ интересомъ человѣчества, ибо оно естественно ведетъ къ всеобщей ассоціаціи, *которая можетъ осуществляться посредствомъ конфедераціи постольку, поскольку народы достигаютъ одинаковой степени культуры и могущества*".

„Всеобщая ассоціація, основанная на могуществѣ и богатствѣ одной какой-либо націи и ведущая, слѣдовательно, къ подчиненности и зависимости всѣхъ прочихъ, имѣла бы въ результатѣ ихъ уничтоженіе и устраненіе международнаго соревнованія; она нарушаетъ интересы и оскорбляетъ чувства всѣхъ націй, которыя сознаютъ себя призванными къ независимости, къ обладанію значительнымъ богатствомъ и высокимъ политическимъ значеніемъ; произошло бы повтореніе того, что уже существовало, повтореніе стремленія ри-

млянъ, осуществленное на этотъ разъ посредствомъ мануфактуры и торговли — вмѣсто оружія, но что точно также ведетъ къ варварству".

Вотъ истинная теорія протекціонизма, ведущая къ всеобщей свободѣ посредствомъ установленія у всѣхъ народовъ равномѣрной культуры и могущества, что составляетъ необходимое условіе торжества философіи политической экономіи Послѣднія строки приведенной выдержки, написанныя болѣе полустолѣтія тому назадъ, выясняютъ причину настоящаго поведенія князя Бисмарка по отношенію Великобританіи. Богатство и экономическое преобладаніе этой страны „*нарушаютъ интересы и оскорбляютъ чувства нѣмцевъ, которые сознаютъ, что они призваны къ независимости, къ обладанію значительнымъ богатствомъ и высокимъ политическимъ значеніемъ*". Для насъ, русскихъ, экономическое ослабленіе Англіи, конечно, полезно настолько же, насколько оно полезно и для прочихъ европейскихъ народовъ, но подъ однимъ условіемъ — чтобы на развалинахъ главенства Англіи не основалось еще болѣе тягостное для Россіи главенство Германіи. Кто слѣдитъ за внѣшней торговлей, тотъ знаетъ, что центръ нашихъ торговыхъ сношеній въ послѣдніе годы быстрыми шагами передвигается съ береговъ Темзы на берега Шпрее. Поэтому теорія Листа, служащая путеводительницей германской политики, должна быть принята къ руководству всѣми націями, а въ томъ числѣ и Россіей, если она не желаетъ подпасть подъ германское экономическое владычество.

Слѣдя за экономической жизнью народовъ, можно различать слѣдующія постепенныя стадіи ихъ развитія: стадія дикаго состоянія, пастушескаго, земледѣльческаго, земледѣльческаго и мануфактурнаго и, наконецъ, земледѣльческаго, мануфактурнаго и коммерческаго.

„Очевидно, что нація, обладающая большою территоріею, снабженной разнообразными рессурсами и значительно населенной, которая соединяетъ земледѣліе, мануфактуры, мореплаваніе, внѣшнюю и внутреннюю торговлю, гораздо болѣе цивилизована, болѣе развита въ политическомъ отношеніи

и болѣе могущественна, нежели народъ только земледѣльческій. *Но мануфактуры составляютъ основы внѣшней и внутренней торговли, мореплавания и усовершенствованнаго земледѣлия,* а, слѣдовательно, цивилизации и политическаго могущества; народъ, который достигнетъ монополи всей мануфактурной жизни земного шара, а, слѣдовательно, сокращенія экономическаго развитія остальныхъ націй, обрекая ихъ лишь на производство земледѣльческихъ продуктовъ и сырыхъ произведеній и на производство только мѣстной промышленности, — этотъ народъ неизбѣжно достигнетъ всеобщаго владычества. Поэтому нація, которая придаетъ какую-либу цѣну своей независимости и самосохраненію, обязана употреблять всѣ усилія, чтобы подняться съ низшей на высшую ступень цивилизации въ видахъ скорѣйшаго созданія въ предѣлахъ своей территоріи земледѣлія, мануфактуры, мореплаванія и торговли". Какими же путями это достигается? Поступательный переходъ народа въ первыхъ трехъ стадіяхъ лучше всего достигается свободными сношеніями съ народами мануфактурными, коммерческими. Но переходъ народа изъ земледѣльческаго состоянія въ земледѣльческое, мануфактурное и коммерческое не можетъ совершиться самъ по себѣ подъ вліяніемъ свободнаго обмѣна, иначе какъ въ предположеніи, что всѣ народы находятся въ это время въ состояніи одинаковаго экономическаго развитія, что они не препятствуютъ другъ другу въ экономическомъ преуспѣяніи, не останавливаютъ его посредствомъ войнъ и таможенныхъ ограниченій. Но такого положенія вещей исторія до настоящаго времени не знала. Всегда однѣ націи находятся въ состояніи высшаго развитія мануфактуры, мореплаванія и торговли по сравненію съ другими, — состояніи, достигнутомъ войнами, случайными политическими событіями или болѣе своевременно принятыми искусственными мѣрами. Поэтому націи отсталыя, благодаря этимъ событіямъ и мѣрамъ, вынуждены для перехода изъ земледѣльческаго состоянія въ мануфактурное принимать такія же искусственныя мѣры посредствомъ созданія таможенной системы· запрещенія

ввоза, ввозныхъ пошлинъ, ограниченій, ограниченія мореплаванія, премій и т. п. „Итакъ, таможенная система, говоритъ Листъ, не представляетъ, какъ это предполагали, выдумку спекулятивныхъ головъ, а составляетъ естественное стремленіе народовъ искать гарантіи ихъ бытія, ихъ преуспѣянія и установленія ихъ вліянія“. Но рѣдь фритредеры, совершенно игнорируя исторію, доказываютъ намъ, какъ дважды два четыре, что таможенная система въ дѣйствительности нисколько не служитъ къ экономическому росту страны, что примѣненіе ея съ этою цѣлью указываетъ только, до какой степени народы могутъ заблуждаться. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ намъ фритредеры, очевидно, что размѣръ народной промышленности не можетъ быть больше того, насколько она снабжена матеріалами и пищею для прокормленія, т.-е. ограничивается размѣромъ капитала. Поэтому нельзя создать промышленность, не создавая капитала. Когда запрещается ввозъ какого-нибудь иностраннаго товара и товаръ этотъ начинаетъ производиться въ странѣ, то думаютъ, что страна обогащается, такъ какъ создается, сверхъ уже существующихъ, еще новая отрасль промышленности. Какое заблужденіе! Если размѣръ капитала не увеличился, то, очевидно, что часть капитала, обращенная на новую отрасль промышленности, отнята отъ какой-либо другой отрасли. Пошлины, очевидно, не могутъ увеличивать капитала, а, слѣдовательно, не могутъ развивать промышленность. Но послушаемъ, что по этому предмету говоритъ Листъ: „Всякая экономія, какъ частныхъ лицъ, такъ и общества, должна быть разсматриваема съ двухъ главныхъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія индивидуальныхъ, соціальныхъ и физическихъ силъ, посредствомъ которыхъ производятся богатства, и съ точки зрѣнія матеріальнаго имущества, имѣющаго мѣновую цѣнность“. „Поэтому существуетъ теорія производительныхъ силъ и теорія имущества, мѣновыхъ цѣнностей“. „Производительныя силы народовъ зависятъ не только отъ работы, сбереженій, нравственности и способности людей, или отъ обладанія естественными фондами и матеріальными капиталами; онѣ

зависятъ также отъ соціальныхъ, политическихъ и гражданскихъ учрежденій, а также законовъ и прежде всего отъ гарантіи существованія ихъ независимости и ихъ національной мощи. Напрасно люди были бы трудолюбивы, экономны, искусны, предпріимчивы, разумны и нравственны; *безъ національнаго единства,* безъ *раздѣленія занятій* и кооперацiи производительныхъ силъ страна не была бы способна ни достигнуть высшей степени благоденствія и могущества, ни сохранить продолжительное время свои интеллектуальныя, соціальныя и матеріальныя богатства". Таможенная система не увеличиваетъ непосредственно количества матеріальнаго имущества, а, слѣдовательно, и капитала, но развиваетъ и укрѣпляетъ производительныя силы, которыя создаютъ этотъ капиталъ. „Принципъ раздѣленія труда, говоритъ Листъ, до сихъ поръ недостаточно понятъ. Производительность зависитъ гораздо менѣе отъ раздѣленія различныхъ операцій какой-либо промышленности между нѣсколькими лицами, нежели отъ моральной и матеріальной ассоціаціи этихъ лицъ для достиженія общей цѣли".

„Этотъ принципъ примѣняется не только къ фабрикѣ или къ сельскому хозяйству, но онъ распространяется на всю земледѣльческую, промышленную и коммерческую дѣятельность народа". „Раздѣленіе труда и комбинація производительныхъ силъ существуетъ только въ такой націи, въ которой умственная производительность находится въ соотношеніи съ производительностью матеріальной, въ которой земледѣліе, мануфактурная промышленность и торговля равномѣрно и гармонически развиты". Въ странѣ чисто земледѣльческой значительное количество производительныхъ силъ бездѣйствуетъ, остается безъ производительнаго потребленія. Въ странѣ же мануфактурной объемъ примѣненія производительныхъ силъ достигаетъ предѣльнаго значенія. „Мануфактурная промышленность благопріятствуетъ наукамъ, искусству и политическому прогрессу; она увеличиваетъ общее благосостояніе, населеніе, доходы государства и государственное могущество; она даетъ государству средства распространить свои сношенія на всѣ части свѣта и *создавать колоніи*".

Итакъ, для экономическаго могущества страны необходимо. національное единство и таможенная система для развитія производительныхъ силъ, создающихъ мануфактурную промышленность, которая даетъ могущество странѣ и распространяетъ ея вліяніе созданіемъ колоній. Эта краткая программа съ буквальной точностью реализирована кн. Бисмаркомъ. Съ 1866 по 1872 годъ онъ создавалъ единство германской націи, — съ 1870 года началъ устанавливать протекціонную систему, развившую промышленность, а когда Германія достигла не только политическаго, но и экономическаго могущества, приступилъ къ созданію колоній и вступилъ въ экономическую борьбу съ Англіей. Этотъ послѣдній періодъ его дѣятельности въ настоящее время разыгрывается передъ нашими глазами.

Какъ это уже было сказано, Листъ не считаетъ, что протекціонизмъ полезенъ для народовъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, а также для всѣхъ безъ исключенія странъ. Онъ является необходимымъ только тогда, когда „экономическое, интеллектуальное и политическое воспитаніе страны, подъ вліяніемъ свободы торговли, достигло предѣла, при которомъ ввозъ иностранной мануфактуры и недостатокъ рынковъ препятствуютъ дальнѣйшему развитію страны". Народъ же, „территорія котораго недостаточно обширна и ограничена рессурсами, которая не обладаетъ устьями своихъ рѣкъ (а, слѣдовательно, выходами изъ своихъ морей), или которая недостаточно округлена, *такой народъ* не можетъ пользоваться протекціонной системой или, по крайней мѣрѣ, не можетъ пользоваться ею съ полнымъ успѣхомъ. Необходимо *сперва, чтобы онъ себя восполнилъ путемъ завоеванія или переговоровъ*".

Эта выдержка намъ представляется весьма знаменательной. Всѣ экономисты, если не выражаютъ прямо, что *всякая* война губительна для экономическихъ интересовъ страны, то, по крайней мѣрѣ, умалчиваютъ о „народномъ восполненіи путемъ завоеванія или переговоровъ", какъ во всякомъ случаѣ неимѣющемъ ничего общаго съ политическою

экономіею. Они говорятъ о войнахъ, только какъ объ аттрибутахъ дикой стадіи экономическаго развитія народа. И это съ точки зрѣнія космополитической экономіи совершенно вѣрно; но невѣрно съ точки зрѣнія экономіи національной. Экономическій принципъ, вѣрный по отношенію человѣчества, какъ это мы уже объясняли, можетъ быть неправиленъ по отношенію націи — страны. Для экономическаго развитія самой просвѣщенной націи война можетъ быть выгодна, а потому національная экономія не можетъ игнорировать этого обстоятельства. Выдержка эта можетъ служить также отвѣтомъ тѣмъ нашимъ экономистамъ, которые проповѣдуютъ, что наши финансы плохи вслѣдствіе военнаго бюджета, то экономическое несчастье Россіи заключается въ стремленіи придавать естественное округленіе своимъ границамъ и обладать выходомъ изъ своего моря

Наконецъ, посмотримъ, что говоритъ Листъ по поводу криковъ, что протекціонизмъ увеличиваетъ стоимость продуктовъ, ложится бременемъ на землевладѣльцевъ и устанавливаетъ монополію для мануфактуристовъ·

„Если пошлины удорожаютъ на нѣкоторое время туземные мануфактурные продукты, то зато, вслѣдствіе внутренней конкуренціи, онѣ обезпечиваютъ уменьшеніе ихъ стоимости въ будущемъ; ибо промышленность, достигшая своего полнаго развитія, можетъ устанавливать на свои произведенія цѣны настолько ниже, во сколько обходится провозъ вывозимыхъ сырыхъ произведеній и съѣстныхъ припасовъ и обратный ввозъ произведенныхъ изъ нихъ издѣлій и прибыль, получаемая на этой торговлѣ“.

„Во всякомъ случаѣ потеря, производимая пошлинами, выражается *цѣнностью;* но зато страна пріобрѣтаетъ *силы,* посредствомъ которыхъ она въ состояніи навсегда производить неисчислимыя массы цѣнностей. Эта потеря въ цѣнности должна разсматриваться, какъ *стоимость промышленнаго образованія страны*“.

„Пошлины на мануфактурныя произведенія не ложатся на земледѣліе страны. Вслѣдствіе развитія мануфактурной

промышленности, — богатства, населеніе, а, слѣдовательно, и спросъ на земледѣльческіе продукты, рента и стоимость поземельной собственности чрезвычайно увеличиваются, тогда какъ цѣнность мануфактурныхъ произведеній съ теченіемъ времени уменьшается. Выигрышъ превосходитъ въ десять разъ потерю, которую временное увеличеніе стоимости мануфактурныхъ произведеній причиняетъ земледѣльцамъ".

„Хорошая протекціонная система не предоставляетъ монополіи мануфактуристамъ страны; она даетъ только гарантію отъ потерь для тѣхъ, которые даютъ свои капиталы посвящаютъ свои способности и усилія новымъ промышленностямъ".

„Она не предоставляетъ монополіи, потому что внутренняя конкуренція замѣняетъ иноземную и потому, что всякій гражданинъ свободенъ принять участіе въ преміяхъ. предоставляемыхъ для всѣхъ. Она устанавливаетъ только монополію туземцамъ по отношенію иностранцевъ, которые также пользуются подобною же монополіею въ своемъ отечествѣ".

Мы остановились на предисловіи Листа, такъ какъ въ немъ содержатся всѣ основныя идеи его сочиненія, которыя мы изложимъ весьма бѣгло. Тѣмъ не менѣе, мы увидимъ, что эти идеи въ послѣдующемъ становятся еще болѣе доказательными и убѣдительными. Но уже сказанное достаточно обрисовываетъ значеніе и характеръ „національной системы политической экономіи". Это сочиненіе какъ будто представляетъ собою проектъ созданія величія Германіи, осуществленный черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ его изданія. Несчастье для тѣхъ, которые не сумѣли понять и проникнуться идеями, въ этомъ проектѣ содержащимися! Вотъ какимъ предостереженіемъ оканчиваетъ Листъ свое предисловіе

„Страна, которая посредствомъ протекціонной системы не сумѣетъ обратиться въ мануфактурную, обречена на матеріальную и политическую слабость. Опасность увеличивается, если сосѣднія націи слѣдуютъ другому пути, если онѣ идутъ во всѣхъ отношеніяхъ впередъ, тогда какъ *мы*

идемъ назадъ, если у этихъ націй мысль о лучшей будущности возбуждаетъ бодрость и духъ предпріимчивости гражданъ, въ то время, когда у насъ недостатокъ надежды все болѣе и болѣе уничтожаетъ бодрость и способность".

„Исторія представляетъ примѣры гибели цѣлыхъ націй, потому что онѣ не умѣли, въ благопріятное время, рѣшить великую задачу обезпеченія своей моральной, экономической и политической независимости установленіемъ мануфактуръ и учрежденіемъ сильнаго класса мануфактуристовъ и купцовъ".

III.

Ранѣе изложенія теоріи своей системы Листъ ищетъ въ исторіи доказательствъ ея тезисовъ: національнаго единства и покровительства мануфактурной промышленности. Разсматривая историческое развитіе различныхъ націй, онъ уясняетъ, что, если цвѣтущее состояніе торговли извѣстныхъ народовъ погибло, то потому, что они не могли создать этого единства, составляющаго основаніе экономическаго развитія; если другіе народы возвеличились, то потому, что, установивъ это единство, они сосредоточили всѣ свои усилія на развитіе промышленности.

Италія. Въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилась эта страна въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, когда Венеція, Генуя и Флоренція владѣли всей міровой торговлей! „Ей недоставало только одного, чтобы сдѣлаться тѣмъ, во что обратилась Англія въ настоящее время, и вслѣдствіе этого единственнаго недостатка все остальное ускользнуло изъ ея рукъ: ей недоставало національнаго единства и могущества, которое дается этимъ единствомъ". Италія разоряется сама собою; могущество Амальфи уничтожается Пизой, Пиза падаетъ передъ Генуей, а Генуя передъ Венеціей. Что же касается Венеціи, предоставленной своимъ собственнымъ силамъ, то она должна была, въ свою очередь, сдѣлаться жертвою той же эгоистической политики, но къ этому еще

прибавилось открытіе новаго пути въ Индію, имѣвшее чрезвычайно важное экономическое значеніе: „Если спросить исторію, говоритъ Листъ, о причинахъ паденія этой республики и ея торговли, то вотъ что она отвѣчаетъ первая причина — сумасшествіе, разслабленіе и подлость выродившейся аристократіи, апатія народа, упавшаго въ рабство. Торговля и мануфактура Венеціи должны были погибнуть, если бы даже не былъ открытъ путь черезъ мысъ Доброй Надежды Это паденіе точно такъ, какъ паденіе всѣхъ итальянскихъ республикъ, объясняется недостаткомъ національнаго единства, иностраннымъ вліяніемъ, природнымъ теократизмомъ и появленіемъ въ Европѣ большихъ, сильныхъ и компактныхъ національностей".

Листъ не дожилъ до возрожденія въ Италіи идеи единства. Но исторія этого времени вполнѣ подтверждаетъ теорію Листа. Съ установленіемъ національнаго единства, экономическое состояніе этой націи значительно поднялось и идетъ впередъ.

Мы уже указывали на то, что Листъ признаетъ протекціонизмъ необходимымъ условіемъ экономическаго процвѣтанія только въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія народа. Исторія Венеціи даетъ ему случай высказаться по этому предмету. „Много разъ приводили въ подтвержденіе принципа свободы торговли, что паденіе Венеціи произошло отъ ограниченій, ею созданныхъ, въ этомъ мнѣніи есть малая доля правды, но больше ошибочнаго". „Примѣръ Венеціи доказываетъ только, что отдѣльный городъ или маленькая страна, въ присутствіи большихъ государствъ, не можетъ употреблять съ пользою ограничительной системы, и что страна, достигшая посредствомъ ограниченій мануфактурнаго и коммерческаго владычества, когда эта цѣль достигнута, должна возвращаться къ свободѣ торговли".

Въ концѣ обзора, касающагося Италіи, помѣщены нѣсколько строкъ, служащихъ отвѣтомъ тѣмъ, которые водворяютъ заблужденія въ умахъ публики, ставя на одну доску свободу торговли со свободою вообще. Сколько разъ говори-

лось, что защитники протекціонизма проповѣдуютъ ретроградную политику.

„Здѣсь, какъ и во всѣхъ спорахъ о свободѣ международной торговли, мы встрѣчаемъ смѣшеніе словъ, которое породило большія ошибки. Разсуждаютъ о свободѣ торговли, какъ о гражданской и религіозной свободѣ. Друзья и сподвижники свободы вообще считаютъ себя обязанными защищать свободу во всѣхъ ея формахъ и вслѣдствіе этого свобода торговли пріобрѣла популярность, безъ различія свободы внутренней торговли отъ свободы торговли международной, которыя въ своей сущности и въ результатахъ столь глубоко отличаются другъ отъ друга. Ибо, если ограниченія во внутренней торговлѣ только въ весьма малыхъ случаяхъ совмѣстны съ индивидуальной свободой гражданъ, то во внѣшней торговлѣ высшая степень индивидуальной свободы совпадаетъ съ значительными ограниченіями. Высшая степень свободы внѣшней торговли можетъ имѣть въ результатѣ національное порабощеніе, какъ это случилось съ Польшей. Именно въ этомъ смыслѣ Монтескье сказалъ. „Въ странахъ свободы купецъ встрѣчаетъ безчисленныя затрудненія и онъ никогда не стѣсненъ менѣе законами, какъ въ странахъ порабощенныхъ“.

Ганзейскій союзъ. Единство, котораго не достигли итальянскія республики, создало величіе ганзейскаго союза. Въ тринадцатомъ столѣтіи Ганза соединила Гамбургъ, Любекъ и восемьдесятъ пять другихъ городовъ, расположенныхъ на берегу Сѣвернаго и Балтійскаго морей и около Одера, Эльбы и Везера. Гачзейцы создали могущественный военный флотъ и рѣшили, что товары Ганзы должны перевозиться исключительно на ихъ корабляхъ. Англійскій навигаціонный актъ былъ впослѣдствіи составленъ по образцу акта Ганзы. Тутъ Листъ замѣчаетъ .„Навигаціонные акты, точно такъ, какъ и вообще таможенное покровительство, такъ естественны народамъ, предчувствующимъ свое коммерческое и промышленное величіе въ будущемъ, что Соединенные Штаты, едва освободившись, приняли ограниченія въ мореплаваніи по предложенію Мадисона“.

Ганзейцы имѣли въ своихъ рукахъ почти всю торговлю съ Англіей, и эта торговля производилась исключительно на ихъ судахъ. Это была настоящая монополія, которая существовала почти въ продолженіе трехъ столѣтій. Англія, не имѣя ни промышленности, ни флота, обмѣнивала свои сырыя произведенія на мануфактуру. Но отъ этого соприкосновенія съ иностранцами національный духъ англичанъ пробудился.

„Король Эдуардъ III былъ того мнѣнія, что можетъ осуществить нѣчто болѣе полезное и болѣе выгодное для страны, нежели вывозить необработанную шерсть и ввозить сукна. Онъ попробовалъ посредствомъ всякихъ льготъ привлечь въ свою страну изъ Фландріи ремесленниковъ по преимуществу суконъ, и послѣ того какъ пріобрѣлъ довольно значительное число таковыхъ, онъ запретилъ одѣваться въ чужеземныя сукна“. Это положило начало коммерческому движенію Англіи. Ганзейскій союзъ началъ вести съ нею борьбу. Ограниченія, принятыя противъ него Англіей, нѣсколько разъ уничтожались, но потомъ снова возобновлялись. Этому маленькому купеческому народу удалось создать такую силу, что съ ней приходилось считаться англійскимъ королямъ. Наконецъ, королева Елизавета нанесла окончательный ударъ Ганзѣ. Узнавъ, что въ Любекѣ собрался ганзейскій сеймъ для обсужденія мѣръ, направленныхъ противъ англійской внѣшней торговли, она приказала захватить шестьдесятъ ганзейскихъ кораблей. Двое изъ экипажей этихъ кораблей были отправлены въ Любекъ съ посланіемъ, что королева „полна презрѣнія къ Ганзѣ, ея предположеніямъ и мѣрамъ“. Такимъ образомъ, Ганза начала слабѣть и совсѣмъ уничтожилась въ 1630 году вслѣдствіе ограничительныхъ мѣръ, принятыхъ противъ нея Англіей, Даніей, Швеціей и Россіей“. Но не только въ этомъ заключаются причины ея разоренія: „Ганзейскіе города основали свою торговлю на производствѣ и потребленіи, на земледѣльческой и мануфактурной промышленности окрестностей, къ которымъ они примыкали. Но они забыли развить земледѣліе ихъ родины въ то время, когда давали посредствомъ своей торговли значительный

толчокъ земледѣлію чужеземныхъ странъ; они находили болѣе удобнымъ покупать фабричныя произведенія въ Бельгіи, нежели основывать фабрики въ своей странѣ; они поощряли культуру полей Польши, воспитаніе овецъ въ Англіи, производство желѣза въ Швеціи и мануфактуръ въ Бельгіи. Они практиковали въ теченіе столѣтій предписанія теоретиковъ нашего времени: покупали товары тамъ, гдѣ находили наиболѣе дешевые. Но когда ганзейцы были исключены изъ странъ, гдѣ они покупали и продавали, ни ихъ земледѣліе, ни ихъ промышленность не развились настолько, чтобы излишекъ ихъ капитала могъ найти приложеніе; этотъ капиталъ эмигрировалъ въ Голландію и Англію, гдѣ онъ поднялъ промышленность, богатство и могущество ихъ непріятелей. Блистательное доказательство тому, что промышленность, предоставленная самой себѣ, не дѣлаетъ страну счастливой и могущественной".

Исторія ганзейскаго союза сливается въ теченіе продолжительнаго времени съ исторіей Англіи. Примѣръ Ганзы развилъ въ Англіи коммерческую и промышленную жизнь: „Послѣ того, какъ свобода торговли съ Ганзой довела земледѣліе Англіи до варварскаго состоянія, ограничительная политика, предпринятая ею противъ Ганзы, Бельгіи и Голландіи, привела ее къ коммерческому и мануфактурному владычеству".

Голландія и Фландрія. Послѣ указанія на причины, которыя создали благосостояніе Голландіи: духъ предпріимчивости, бодрость и экономія, развитыя вслѣдствіе постоянной борьбы съ моремъ, важное открытіе искусства соленія сельдей, Листъ указываетъ еще на географическую причину:

„Общее правило, что коммерческая дѣятельность и будущность приморскаго края зависятъ отъ важности его водяныхъ бассейновъ. Пусть бросятъ взглядъ на карту Италіи и тогда найдутъ въ обширности и плодородіи долины По естественное объясненіе замѣтнаго преимущества торговли Венеціи сравнительно съ торговлей Пизы и Генуи. Торговля Голландіи питалась рейнскимъ бассейномъ и его притоками,

и потому она должна была опередить торговлю Ганзы въ той же пропорціи, въ какой этотъ бассейнъ по богатству и плодородію превосходитъ бассейны Везера и Одера".

Это правило дѣйствительно было общимъ до открытія желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги значительно ослабили его значеніе, но, тѣмъ не менѣе, еще далеко не устранили.

Знаменитый экономистъ говоритъ „Соединеніе всѣхъ бельгійскихъ и батавійскихъ провинцій подъ бургундскимъ владычествомъ доставило этой мѣстности благоденствіе *національнаго единства*,—обстоятельство, которое при изученіи причинъ, доставившихъ голландцамъ преимущества передъ соперничествующими городами сѣверной Германіи, не должно быть пренебрегаемо. При Карлѣ V Нидерланды представляли единеніе силъ и рессурсовъ, которое лучше, нежели золотые пріиски всего свѣта, лучше, нежели всѣ благоволенія и всѣ буллы папы, могло обезпечить ихъ властителю владѣніе землею и моремъ, если бы онъ понялъ значеніе этихъ силъ и сумѣлъ ими управлять и пользоваться. Если бы Карлъ V отстранилъ отъ себя испанскую корону, какъ отстраняютъ камень, который грозитъ увлечь въ бездну,—насколько судьба Нидерландовъ и Германіи была бы другая! Владѣтель Нидерландовъ, императоръ Германіи и глава реформаціи, Карлъ имѣлъ въ своихъ рукахъ матеріальныя и моральныя средства основать наиболѣе могущественное, промышленное и коммерческое государство, наиболѣе обширное, морское и континентальное владычество, которое когда-либо существовало, морское владычество, которое соединило бы подъ одинъ флагъ всѣ суда отъ *Дюнкирхена до Риги*".

Вотъ мечта знаменитаго экономиста-патріота! Коммерческое и морское развитіе силъ Англіи и Франціи сразило Голландію. Она пала, — „потому, говоритъ Листъ, что населеніе, обитавшее на узкой территоріи и состоявшее изъ незначительнаго количества рыболововъ, моряковъ, купцовъ и нѣмцевъ-пионеровъ, хотѣло сдѣлаться само по себѣ державой, и часть континента, съ которой оно составляло географическое цѣлое, была имъ разсматриваема и трактуема, какъ чужеземная страна".

Итакъ, паденіе Голландіи тоже произошло отъ отсутствія *національнаго единенія.*

Глава о Голландіи кончается слѣдующимъ знаменательнымъ предсказаніемъ.

„Голландія нынѣ живетъ своими колоніями и своею международной торговлею съ Германіей. Но случайная война можетъ лишить ее владѣній, и по мѣрѣ того, какъ германскій таможенный союзъ будетъ понимать лучше свои интересы и умѣть лучше управлять своими силами, онъ еще больше почувствуетъ необходимость присоединить къ себѣ Голландію".

Едва ли кто поручится, что это предсказаніе не будетъ въ скоромъ времени осуществлено. Еще недавно въ иностранныхъ газетахъ сообщалось о разговорахъ канцлера съ французскимъ посланникомъ по поводу проектовъ оккупаціи Бельгіи и Голландіи. Мы были тогда въ Бельгіи, и насъ удивило, что возможность такой оккупаціи была встрѣчена многими какъ нѣчто такое, что̀ рано или поздно, а должно осуществиться Все равно, говорили намъ, водвореніе на континентѣ, по иниціативѣ кн. Бисмарка, строгаго протекціонизма должно насъ привести къ гибели.

Англія. Эта страна, проповѣдующая нынѣ свободу торговли, создала свое коммерческое и промышленное величіе строгимъ протекціонизмомъ Выше говорилось о томъ, какъ въ Англіи основалось суконное производство, которое положило начало промышленному развитію страны. Впослѣдствіи властелины ея ничѣмъ не пренебрегали, чтобы возбудить промышленную дѣятельность народа. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Елизавета, принимаютъ абсолютныя протекціонныя мѣры: ввозъ металловъ, выдѣланныхъ кожъ и множество другихъ фабричныхъ произведеній совершенно воспрещается. Строительное искусство посредствомъ различныхъ поощрительныхъ мѣръ также водворяется въ Англіи въ царствованіе Елизаветы. Англичане посредствомъ ряда различныхъ льготъ, предоставляемыхъ иностранцамъ, заимствуютъ отъ всѣхъ странъ свѣта ихъ спеціальныя искусства·

у Венеціи производство кристалла, у Персіи производство ковровъ и т. п. Фабриканты и ремесленники, выгнанные Филиппомъ II изъ Бельгіи и Людовикомъ XIV изъ Франціи, водворяютъ или улучшаютъ въ Англіи цѣлую массу промышленностей: производство шляпъ, бумаги, часовъ, льняныхъ и шелковыхъ издѣлій, желѣза и проч. Всѣ эти производства развиваются и возрастаютъ, благодаря запрещеніямъ ввоза или высокимъ пошлинамъ: „Овладѣвши какой-либо промышленностью, — говоритъ Листъ, — она (Англія) окружала ее въ теченіе столѣтій своимъ попеченіемъ, какъ молодое дерево, которое требуетъ опоры и заботъ. Тотъ, кто не вѣдаетъ, что въ силу работы, прилежанія и экономіи промышленность со временемъ дѣлается выгодною, и что въ странѣ, ушедшей впередъ въ земледѣліи и въ цивилизаціи вообще, новыя фабрики, соотвѣтственно охраняемыя, какъ бы несовершенны и дороги ни были вначалѣ ихъ произведенія, могутъ, при помощи опыта и внутренней конкуренціи, во всѣхъ отношеніяхъ сравняться со старыми иностранными фабриками; тотъ, кто не знаетъ, что будущность даннаго фабричнаго производства ограничена будущностью многихъ другихъ, и который не понимаетъ, до какой степени нація можетъ развить свои производительныя силы, когда она бдительно и безпрерывно наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы каждое поколѣніе преслѣдовало дѣло промышленнаго прогресса, начиная съ того положенія, до котораго довело его предыдущее поколѣніе, — тотъ долженъ начать съ изученія исторіи англійской промышленности, ранѣе нежели приступать къ построенію системъ и навязыванію совѣтовъ государственнымъ людямъ, держащимъ въ своихъ рукахъ будущность народовъ“.

Эта выдержка объясняетъ величіе англійской промышленности. Она уясняетъ доктирну, которой *въ теченіе столѣтій* были воодушевлены англійскіе монархи, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить прекраснымъ отвѣтомъ нашимъ публицистамъ-фритредерамъ.

Навигаціонный актъ установилъ верховенство англій-

скаго флота, въ особенности въ ущербъ голландскаго, который до того времени пользовался монополіей каботажа и рыболовства. Въ 1703 году метуэнскій договоръ открылъ Англіи португальскій рынокъ, которымъ до того времени пользовались голландцы и нѣмцы. Этотъ договоръ весьма знаменателенъ въ исторіи Англіи. Онъ представляетъ собою первый шагъ, поведшій ее къ колоніальному владычеству. Англійскія произведенія изъ Португаліи дошли до Индіи и Китая, что имѣло въ окончательномъ результатѣ прибавленіе къ королевской коронѣ Великобританіи императорскаго титула Индіи. Купцы, увѣренные въ томъ, что за ними послѣдуютъ войска, составляли авангардъ всѣхъ колоніальныхъ завоеваній Англіи. Занятіе Индіи могло привести Англію къ промышленной катастрофѣ отъ свободнаго ввоза въ ея предѣлы индійскихъ бумажныхъ и шелковыхъ тканей. Что же она сдѣлала? Подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности она совершенно воспретила ввозъ этихъ произведеній изъ своихъ собственныхъ владѣній: „она не захотѣла потреблять ни одной нитки изъ Индіи; она отбросила отъ себя эти столь прекрасныя и столь дешевыя произведенія; она продавала континентальнымъ странамъ по низкимъ цѣнамъ эти прекрасныя произведенія востока; она имъ предоставила выгоды этой дешевизны, для самой же себя Англія не захотѣла этой дешевизны“. Это — послѣднее слово протекціонизма, обогатившаго Англію, которая послѣ того создала и столь ревностно начала проповѣдывать теорію свободы обмѣна, обморочившую одно время всю Европу.

Исторія экономическаго развитія Англіи представляетъ три періода: въ началѣ, когда въ ней почти не существовало промышленности и она должна была обмѣнивать свои сырыя произведенія на иностранныя издѣлія, она держалась полной свободы торговли; когда промышленность и флотъ пріобрѣли нѣкоторое значеніе, она устранила иностранныя произведенія и суда; наконецъ, когда этимъ путемъ ея флотъ, промышленность и торговля достигли апогея, въ ея международныхъ коммерческихъ отношеніяхъ снова появилась свобода. „То-

гда, — говоритъ Листъ, — заключая трактаты на основѣ равенства, съ одной стороны, она имѣла по сравненію съ народами отставшими несомнѣнныя преимущества и помѣшала этимъ народамъ предпринимать ограниченія, вызываемыя ихъ потребностями, съ другой стороны, она охраняла національныя силы отъ безпечности и держала въ бодрствованіи, такъ чтобы не быть опереженной".

Само собою разумѣется, что, кромѣ указанныхъ причинъ настоящаго богатства Англіи, имѣлись еще другія, совершенно спеціальныя причины: географическое положеніе, эмиграція фламандскихъ ткачей въ XII столѣтіи, переселеніе въ Англію фабрикантовъ, торговцевъ и ремесленниковъ почти со всѣхъ европейскихъ странъ и проч.

Испанія и Португалія. Въ то время, какъ англичане употребили столѣтія, чтобы создать свое національное состояніе, Испанія и Португалія, какъ извѣстно, достигли громаднаго богатства въ самое непродолжительное время. Но это богатство подобно было богатству счастливца, выигравшаго значительный кушъ въ лоттерею, тогда какъ богатство англичанъ походитъ на состояніе, достигнутое „трудолюбивымъ и экономнымъ отцомъ семейства посредствомъ сбереженій". Испанія и Португалія очень рано блеснули, чтобы затѣмъ вступить на путь, повидимому, безостановочнаго паденія.

Въ X столѣтіи, благодаря маврамъ, промышленность этихъ странъ уже достигла значительнаго процвѣтанія; но религіозныя гоненія сперва на евреевъ, а потомъ на мавровъ нанесли первый ударъ этому благополучію. Англичане докончили то, что не успѣлъ сдѣлать фанатизмъ. Азіентскій трактатъ для Испаніи, заключенный въ 1713 году, имѣлъ на ея судьбу то же вліяніе, какъ метуэнскій на судьбу Португаліи. Англійская мануфактура наводнила эти страны, ибо извѣстно, что англичане умѣютъ выжимать изъ своихъ трактатовъ все то, что таковые могутъ дать. Листъ по этому поводу вспоминаетъ показаніе Андерсона, который говоритъ, что уже въ то время англичане были весьма обучены искус-

ству въ искусствѣ объявлять свои произведенія въ таможняхъ ..такъ, что они въ дѣйствительности платили только половину пошлинъ, устаьовленныхъ тарифами". Кстати сказать, по мѣрѣ развитія промышленности у компатріотовъ Листа они развили у себя это искусство едва ли въ меньшей степени, что теперь мы испытываемъ.

„Всѣ торговые трактаты Англіи, — говоритъ Листъ въ заключеніи историческаго очерка экономическаго развитія Португаліи и Испаніи, — намъ представляютъ постоянную тенденцію завоевывать для своей мануфактурной промышленности тѣ страны, съ которыми она входитъ въ соглашеніе, предоставляя ихъ земледѣльческимъ продуктамъ и сырымъ произведеніямъ кажущіяся выгоды. Она стремится всюду разорять иностранныя фабрики дешевизною своихъ издѣлій и удобствами своего кредита". Англичане послѣ трактата 1713 года не остановились даже передъ организаціей въ Испаніи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ котрабанды, а впослѣдствіи, сдѣлавшись хозяевами морей, они оставляли въ безопасности морскихъ пиратовъ. Англичане ихъ не боялись, а между тѣмъ пираты оказывали услуги англійскому флоту, грабя корабли другихъ державъ.

Франція. Относительно Франціи Листъ напоминаетъ, что она обязана своимъ промышленнымъ и коммерческимъ развитіемъ Кольберу, который имѣлъ смѣлость самъ одинъ предпринять работу, которую англичане привели къ благополучному концу послѣ двухъ революцій и трудовъ въ теченіе трехъ столѣтій. Эденскій трактатъ, заключенный при Людовикѣ XIV, былъ для Франціи то же, что азіентскій для Испаніи и метуэнскій для Португаліи. Англичане сейчасъ же полонили французскую промышленность. Французы, усмотрѣвъ послѣдствія этого трактата, отъ него отказались, но,— замѣчаетъ Листъ, — „гораздо легче разорить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ цвѣтущія фабрики, нежели цѣлому поколѣнію поднять ихъ".

Листъ припоминаетъ слова Наполеона I-го: „страна, которая при настоящемъ положеніи свѣта, практиковала бы

принципъ свободы торговли, была бы обращена въ порошокъ". Но непрерывныя войны при Наполеонѣ не могли не отразиться самымъ губительнымъ образомъ на національной промышленности. Во время реставраціи англичане, въ лицѣ Адама Смита, выдумали теорію свободы торговли и начали ее пропагандировать. Французы поддались на эту удочку. Всѣ французскіе рынки опять перешли въ руки англичанъ. Тогда Франція снова перешла къ протекціонизму, который снова далъ толчокъ національному производству и возсоздалъ французскую промышленность.

Германія. Листъ создалъ проектъ для возвеличенія своего отечества, но ему было суждено видѣть только зародышъ этого величія. Фундаментъ проекта — *національное единство.* Развитіе германской промышленности начинается съ 1819 года, когда во Франкфуртѣ-на-Майнѣ основалась ассоціація изъ пяти-шести тысячъ купцовъ и фабрикантовъ съ цѣлью совокупныхъ усилій къ уничтоженію внутреннихъ таможенъ и установленію общей коммерческой протекціонной системы для всей Германіи. Мы уже говорили, какое дѣятельное участіе принималъ самъ Листъ въ осуществленіи цѣлей этой ассоціаціи. Затѣмъ ассоціація эта приняла протекціонный прусскій тарифъ 1818 года. Теперь Германія уже живетъ не только подъ покровительствомъ прусскаго тарифа, но подъ покровительствомъ всего охранительнаго прусскаго государственнаго строя. Задача единенія исполнена, и германская промышленность приняла чрезвычайное развитіе, предвидѣнное къ началѣ настоящаго столѣтія геніемъ Листа.

Сѣверная Америка. Внѣ предѣловъ Европы Листъ касается только Сѣверной Америки. Онъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что протекціонная система создала ея независимость. Извѣстно, что этой системы американцы держатся и до настоящихъ дней, несмотря на зловѣщія предсказанія прежнихъ и настоящихъ фритредеровъ. Еще основатели теоріи свободы обмѣна, Адамъ Смитъ и Сэй, доказывали, что будущность Америки заключается только въ земледѣліи. Теперь мы видимъ, насколько мнѣнія этихъ дѣйствительно замѣчательныхъ

экономистовъ, увлекавшихся свободою обмѣна, оказались неосновательными. Американскіе штаты сдѣлались одною изъ самыхъ великихъ промышленныхъ странъ свѣта. На нихъ вполнѣ оправдалась система Листа. Война за независимость установила національное единство, а строго протекціонная система восполнила результаты этого единства.

Россія. Листъ говоритъ очень немного о Россіи. Но, тѣмъ не менѣе, по понятной причинѣ, мы остановимся надъ тѣмъ, что онъ о ней говоритъ.

Россія обязана первыми шагами своего промышленнаго развитія сношеніямъ съ Греціей, затѣмъ торговлѣ съ Ганзой черезъ Новгородъ; когда же царь Іоаннъ Васильевичъ покорилъ этотъ городъ и затѣмъ былъ открытъ путь сношеній черезъ Бѣлое море — то торговлѣ съ англичанами и голландцами.

Тѣмъ не менѣе, значительное развитіе русской промышленности началось только со времени Петра Великаго. Исторія Россіи, начиная съ первыхъ годовъ XVIII вѣка, представляетъ блистательное доказательство могущественнаго вліянія національнаго единства и политическихъ учрежденій страны на экономическое преуспѣяніе народа. „*Царскому авторитету,* благодаря которому было установлено и удержано единство между множествомъ варварскихъ ордъ, *Россія обязана* созданіемъ своей промышленности, быстрымъ ростомъ земледѣлія и населенія, развитіемъ внутренней торговли при помощи каналовъ и путей сообщенія, развитіемъ обширной внѣшней торговли, — однимъ словомъ, *всѣмъ своимъ коммерческимъ значеніемъ*“.

Экономическая система въ Россіи въ точномъ смыслѣ этого слова, по мнѣнію Листа, начинается только съ 1821 г Конечно, льготы, предоставленныя Екатериной II иностраннымъ рабочимъ и фабрикантамъ, улучшили состояніе нѣкоторыхъ ремеслъ и фабрикъ; но промышленная культура націи была еще настолько отсталая, что промышленность ограничивалась грубымъ издѣліемъ полотенъ, желѣза, стекла и вообще только издѣліями тѣхъ отраслей ея, которыя были особенно

благопріятствуемы земледѣльческими и минеральными богатствами страны. — Впрочемъ, въ то время большее развитіе промышленности не было еще въ экономическомъ интересѣ Россіи. Если бы иностранцы принимали въ уплату ихъ произведеній съѣстные припасы, сырыя произведенія и грубыя фабричныя издѣлія, которыя Россія могла давать, если бы не было внѣшнихъ усложненій и войнъ, Россія еще долго имѣла бы выгоду производить свободный обмѣнъ со странами, ее опередившими, ибо ея культура могла отъ этого выиграть болѣе, нежели отъ протекціонной системы. Но войны, блокада континента и ограничительныя мѣры другихъ странъ поколебали интересы Россіи и заставили ее искать болѣе надежной экономической системы, нежели вывозъ сырья и ввозъ фабричныхъ издѣлій. Такимъ образомъ, она была вынуждена заняться сама обработкой своего сырья. Послѣ войны хотѣли снова вернуться къ свободѣ торговли. Правительство и самъ Царь были склонны къ фритредерству. Тогда Шторхъ имѣлъ такой же во многомъ губительный авторитетъ въ Россіи, какъ Сэй въ Германіи. Уничтожили пошлины. Заводы и фабрики, преимущественно вслѣдствіе конкуренціи Англіи, начали разоряться, но это не смутило фритредеровъ. „Послѣ кризиса, который будетъ пройденъ, говорили они, Россія вкуситъ сладчайшіе плоды благодѣянія свободы торговли“. Въ то время коммерческія конъюнктуры дѣйствительно благопріятствовали экономическому положенію Россіи. Плохой урожай въ большей части Европы вызвалъ усиленный вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ — и это дало Россіи возможность заплатить за усиленный ввозъ иностранной мануфактуры. Но когда исключительный спросъ на русскіе продукты прекратился, и Англія въ интересахъ аристократіи затруднила ввозъ хлѣба, а въ интересахъ Канады — ввозъ дерева, то разореніе русскихъ фабрикъ и усиленный ввозъ въ Россію заграничныхъ издѣлій далъ себя почувствовать во всей силѣ. „Тогда, послѣ того, какъ вмѣстѣ со Шторхомъ разсматривали торговый балансъ, какъ химеру, существованіе которой для образованнаго человѣка такъ же

постыдно и неприлично признавать, какъ существованіе колдуній въ XVIII столѣтіи, съ ужасомъ увидѣли, что между независимыми странами дѣйствительно существуетъ нѣчто аналогичное торговому балансу". Правительство было вынуждено вернуться къ протекціонной системѣ, о чемъ были оповѣщены представители Россіи при иностранныхъ дворахъ особымъ циркуляромъ графа Нессельроде въ 1821 году, въ которомъ говорится, что „Россія видитъ себя вынужденной обстоятельствами прибѣгнуть къ независимой коммерческой системѣ, что продукты имперіи не находятъ помѣщенія во внѣшнихъ рынкахъ; что фабрики разорены или находятся наканунѣ разоренія; что вся звонкая монета уходитъ за границу, и коммерческіе дома, наиболѣе солидные, находятся наканунѣ катастрофы".

Благодѣтельныя послѣдствія для Россіи возстановленнаго протекціонизма, не менѣе какъ бѣдствія, произведенныя предыдущей практикой свободы торговли, послужили къ наглядному доказательству неправильности принциповъ и увѣреній фритредеровъ. Изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, преимущественно же изъ Англіи и Германіи, явились капиталы и умственныя силы, чтобы принять участіе въ выгодахъ, предоставленныхъ русскому производству новымъ таможеннымъ тарифомъ. Дворянство, „не находя внѣшнихъ рынковъ для своихъ произведеній, попробовало разрѣшить обратную задачу, а именно — приблизить къ себѣ рынки: они основали фабрики въ своихъ помѣстьяхъ". Спросъ вновь созданныхъ шерстяныхъ фабрикъ на шерсть значительно увеличилъ овцеводство. Заграничная торговля, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, увеличилась, въ особенности торговля съ Китаемъ, Персіей и вообще Азіей. Коммерческіе кризисы прекратились, „и достаточно просмотрѣть послѣдніе отчеты департамента торговли Россіи, чтобы убѣдиться, что Россія, благодаря принятой ею системѣ, достигла благоденствія и что она гигантскими шагами подвигается какъ по пути богатства, такъ и могущества". Такіе результаты тогда смущали нѣмцевъ, и вотъ какъ Листъ ихъ утѣшаетъ: „Безразсудно

со стороны Германіи желать уменьшенія этихъ прогрессовъ и расточать жалобы на ущербъ, который система Россіи принесла сѣвернымъ германскимъ провинціямъ. Нація, какъ и человѣкъ, не имѣетъ болѣе дорогихъ интересовъ, какъ свои собственные. На Россіи не лежитъ обязанности хлопотать о благоденствіи Германіи. Пусть Германія занимается Германіей, а Россія — Россіей. Вмѣсто того, чтобы жаловаться, вмѣсто того, чтобы питаться надеждами и ждать Мессію будущей свободы торговли, было бы лучше бросить космополитическую систему въ огонь и воспользоваться примѣромъ Россіи". Германія послѣдовала совѣту Листа. Она воспользовалась нашимъ примѣромъ, но мы имъ не воспользовались. Поэтому и произошла метаморфоза, которая отзывается нынѣ на всемъ экономическомъ строѣ Россіи. Что Англія смотритъ косо на коммерческую политику Россіи, это, говоритъ Листъ, вполнѣ естественно Россія, благодаря этой политикѣ, эмансипировалась отъ Англіи, она явилась ея соперницей въ Азіи. Если Англія имѣетъ преимущество дешевизны своихъ издѣлій, то зато Россія имѣетъ выгоды сосѣдства съ Азіей.

Затѣмъ Листъ указываетъ на нѣкоторые тормазы къ дальнѣйшему преуспѣянію Россіи, изъ которыхъ главный—крѣпостное право. Она должна ихъ устранить—для дальнѣйшаго прогресса. „Но для того, чтобы эти реформы были возможны,—говоритъ Листъ, оканчивая очеркъ о Россіи,—необходимо прежде всего, чтобы русское дворянство поняло, что его интересы непосредственно связаны съ этими реформами". Русское дворянство это поняло. Совершилось въ нѣсколько лѣтъ—совершенно мирно—то, что въ другихъ странахъ покупалось десятками лѣтъ труда и потоками крови. Народъ сталъ свободенъ. Но, тѣмъ не менѣе, надежды Листа относительно дальнѣйшаго экономическаго развитія Россіи далеко не сбылись. Послѣдствія этой благодѣтельной реформы были умалены новою волною фритредерства.

Въ 1857 году былъ введенъ таможенный тарифъ, продиктованный идеями свободы торговли. Затѣмъ народно-

хозяйственная жизнь устраивалась подъ вѣяніемъ той же школы. И только въ послѣдніе годы грозная дѣйствительность заставила уклониться отъ этихъ вѣяній, держащихъ, тѣмъ не менѣе, еще до настоящаго времени многіе умы въ плѣну. Такимъ образомъ, въ результатѣ можно сказать, что экономическая мощь Россіи основывается исключительно на могущественнѣйшемъ національномъ единствѣ, составляющемъ основу экономическаго благосостоянія всякаго народа. Благодаря этому единству, Россія переносила и переноситъ всѣ невзгоды судьбы и неразумія. Она еще не испытала благодѣяній протекціонной системы, которая можетъ ее освободить отъ чужеземной политики и развить всѣ ея безчисленныя богатства, находящіяся въ летаргическомъ состояніи. То, что дѣлалось частичнымъ примѣненіемъ этой системы сегодня, нарушалось завтра. Россія испытаетъ плоды этой системы только тогда, когда она, „овладѣвши какой-либо промышленностью, окружитъ ее въ *теченіе столѣтій* своимъ попеченіемъ. Тотъ, кто не понимаетъ, до какой степени нація можетъ развить свои непроизводительныя силы, когда она *бдительно и безпрерывно* наблюдаетъ за тѣмъ, *чтобы всякое поколѣніе преслѣдовало дѣло промышленнаго прогресса, начиная съ того положенія, до котораго довело его предыдущее,* пусть ранѣе, нежели давать совѣты, начнетъ съ изученія исторіи англійской промышленности“. „Гораздо легче разорить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ цвѣтущія фабрики, нежели цѣлому поколѣнію поднять ихъ“.

Уроки исторіи. Въ заключеніи историческаго обзора экономическаго развитія различныхъ странъ, Листъ, подъ заглавіемъ „Уроки исторіи“, дѣлаетъ логическіе выводы изъ этого изслѣдованія. Сущность этихъ выводовъ заключается въ слѣдующемъ:

„Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ способность, нравственность и дѣятельность гражданъ регламентировались для благоденствія страны, и богатство увеличивалось или уменьшалось съ этими качествами; но нигдѣ трудъ и экономія людей, духъ изобрѣтательности и предпріимчивости не создали

ничего великаго тамъ, гдѣ они не могли опереться на гражданскую свободу, учрежденія и законы, администрацію и внѣшнюю политику, въ особенности же на національное единство и могущество".

„Исторія учитъ, что ограничительныя мѣры составляютъ естественныя послѣдствія различія интересовъ и усилій народовъ къ достиженію независимости и могущества, а, слѣдовательно, послѣдствія національнаго соперничества и войны, а потому они должны устраниться только при согласованіи всѣхъ національныхъ интересовъ или при общей ассоціаціи всѣхъ народовъ подъ режимомъ права".

„Опыты нѣкоторыхъ странъ, примѣнявшихъ у себя свободу внѣшней торговли въ присутствіи націи, ихъ перевѣшивающей въ промышленности, богатствѣ и могуществѣ или держащейся ограничительной коммерческой системы, намъ показываютъ, что этимъ отдаютъ въ жертву будущность страны, безъ всякой вообще пользы для человѣчества и только въ выгоду страны, держащей скипетръ мануфактуръ и торговли".

„Исторія, наконецъ, насъ учитъ, какимъ образомъ народы, обладающіе отъ природы всѣми средствами для достиженія высшей степени богатства и могущества, могутъ и должны, безъ того, чтобы не стать въ противорѣчіе сами съ собою, мѣнять свою коммерческую систему по мѣрѣ того, какъ идутъ впередъ. Сперва, дѣйствительно, посредствомъ свободы торговли съ народами, ихъ опередившими, они выходятъ изъ варварства и улучшаютъ свое земледѣліе; потомъ, посредствомъ ограниченій, они заставляютъ цвѣсти ихъ фабрики, рыболовство, флотъ и внѣшнюю торговлю, наконецъ, послѣ достиженія высшей степени богатства и могущества, посредствомъ *постепеннаго* перехода къ принципамъ свободы торговли и свободной конкуренціи на иностранныхъ рынкахъ, имъ принадлежащихъ, они охраняютъ отъ безпечности свое земледѣліе, мануфактуру и своихъ кущовъ, и держатъ ихъ въ бодрствованіи, дабы сохранить верховенство, котораго они достигли".

IV.

Космополитическая и политическая экономія. Изложеніе „Теоріи“ Листъ начинаетъ съ опредѣленія предмета политической экономіи. Основатели этой наукъ Кене, Смитъ и даже Сэй имѣли въ виду все человѣчество, а не націю. Они создали не политическую, а космополитическую экономію, исходящую изъ гипотезы, что націи всего земного шара составляютъ одно общество, живущее въ постоянномъ мирѣ,— а потому и предлагающую примѣнять ко всѣмъ странамъ одну и ту же неизмѣнную доктрину. Политическая же или національная экономія должна принимать идею національности за точку отправленія и поучать, какимъ образомъ данная нація при настоящемъ положеніи всего свѣта и при наличности особыхъ условій, въ которыхъ она находится, можетъ сохранять и улучшать свое экономическое положеніе

Сколько разъ говорилось, что свобода обмѣна должна составить высшее выраженіе прогресса человѣчества, но этотъ прогрессъ еще весьма отдаленъ, между тѣмъ какъ экономисты-космополитики говорятъ о свободѣ обмѣна, какъ о подлежащемъ немедленному приведенію въ исполненіе. Свобода обмѣна возможна только при условіи, если она всеобща, если всѣ націи находятся въ положеніи братства и равенства, — и именно протекціонизмъ, развивающій національныя экономическія силы и подвигающій умственное и общественное развитіе, подготовляетъ такое положеніе вещей, при которомъ возможно осуществленіе свободы обмѣна, представляющей собою такое же отдаленное благо, какъ, напр., всеобщій миръ. Философы могутъ мечтать о всеобщей федераціи; но имѣетъ ли право экономистъ, при данныхъ общественныхъ условіяхъ, пренебрегать національной идеей для достиженія гипотетическихъ интересовъ человѣчества? Не обязанъ ли онъ, наоборотъ, при несомнѣнномъ существованіи національнаго соперничества и антагонизма, изучать и ука-

зывать средства для національнаго совершенствованія вообще и въ особенности для процвѣтанія своего отечества? Наше воображеніе, не стѣсняемое предѣлами времени, можетъ предвидѣть въ отдаленномъ будущемъ свободу обмѣна, основанную на всеобщемъ мирѣ; но нашъ здравый смыслъ, возвращая насъ къ реальнымъ фактамъ, въ ожиданіи такого золотого вѣка, указываетъ намъ на необходимость, чтобы наше отечество было снабжено всѣми средствами для защиты противъ дѣйствительно существующей національной борьбы, стирающей съ лица земли тѣ націи, которыя не заботятся о своихъ національныхъ интересахъ.

Поэтому Листъ, въ теоріи, вполнѣ раздѣляетъ энтузіазмъ сторонниковъ свободы обмѣна. Дѣлая апологію этой теоріи, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Три соединенныя державы, составляющія Великобританію, представляютъ разительный и рѣшительный примѣръ громадныхъ результатовъ свободы торговли между ассоціаціей народовъ. Пусть представятъ себѣ подобную ассоціацію между всѣми націями земного шара — и самое живое воображеніе не могло бы изобразить сумму благоденствія и могущества, которую она доставила бы человѣчеству“.

Такимъ образомъ, „школа (классическая политическая экономія) основывается на правильной идеѣ, — идеѣ, которую наука должна признавать и разрабатывать для того, чтобы выполнять свое назначеніе, заключающееся въ просвѣщеніи практики, идеѣ, которую практика не можетъ игнорировать безъ того, чтобы не впадать въ заблужденіе“. Но дѣло въ томъ, что школа совершенно пренебрегла національностями, ихъ интересами, ихъ особыми условіями, и забыла ихъ согласить съ идеей всеобщаго единенія и вѣчнаго мира.

„Школа принимаетъ за реализированное такое положеніе вещей, которое можетъ осуществиться только въ будущемъ. Она предполагаетъ существованіе всеобщей ассоціаціи и постояннаго мира и отсюда выводитъ заключеніе о значительныхъ выгодахъ свободы торговли. Она смѣшиваетъ, такимъ образомъ, слѣдствіе съ причиной“.

„Постоянный миръ существуетъ между провинціями и странами, уже соединившимися, — и отъ этой ассоціаціи произошло ихъ коммерческое единеніе. Онѣ обязаны постоянному миру, въ которомъ живутъ между собою, тѣми выгодами, которыхъ отъ этого достигли. Всѣ примѣры, которые намъ представляетъ исторія, показываютъ, что политическое единеніе предшествуетъ коммерческому. При настоящемъ положеніи свѣта, свобода торговли, вмѣсто того, чтобы создать всеобщую республику, создала бы всеобщее подчиненіе народовъ верховенству страны наиболѣе сильной въ мануфактурахъ, торговлѣ и мореплаваніи“.

„Всеобщая республика, какъ ее понималъ Генрихъ IV и аббатъ de Saint-Pierre, т.-е., какъ ассоціацію, въ которой всѣ націи признавали бы легальное управленіе и отказались бы отъ расправы, осуществима на столько, на сколько извѣстное число націй достигло приблизительно одинаковой степени промышленности, цивилизаціи, политическаго воспитанія и могущества. Свобода торговли не можетъ распространяться иначе, какъ посредствомъ постепеннаго расширенія этой ассоціаціи; только посредствомъ такого расширенія она можетъ доставлять народамъ значительныя выгоды, примѣръ которыхъ намъ показываютъ провинціи и страны, уже соединившіяся. Протекціонная система представляетъ единственное средство для поднятія странъ, отставшихъ въ цивилизаціи, до уровня опередившей націи, которая, конечно, не получила отъ природы вѣчной монополіи мануфактурной промышленности, а только ушла впередъ другихъ; протекціонная система является съ этой точки зрѣнія наиболѣе могущественнымъ двигателемъ къ достиженію окончательной ассоціаціи народовъ, а слѣдовательно, и истинной свободы торговли. И съ той же точки зрѣнія, политическая (національная) экономія является наукою, которая, принимая во вниманіе существующіе интересы и особыя условія націи, учитъ, какимъ образомъ каждая изъ нихъ можетъ достигнуть той степени экономическаго развитія, при которой ея ассоціація

съ другими народами равной культуры, на основаніи свободы торговли, становится возможной и выгодной".

Въ то время, какъ Листъ писалъ приведенныя строки, промышленное верховенство Англіи было еще могущественнѣе, нежели теперь, и при такомъ положеніи вещей вотъ къ какимъ результатамъ привело бы, по мнѣнію Листа, примѣненіе свободы торговли:

„Англійская нація, какъ нація независимая и изолированная, приняла бы мѣры, чтобы при помощи политики распространить свое могущественное вліяніе, упираясь на свои банки, законы, учрежденія и обычаи, англичане употребили бы всѣ силы и капиталы на развитіе туземной промышленности; свобода торговли, открывая всѣ страны свѣта англійскимъ мануфактурамъ, поощряла бы ихъ къ тому; тогда имъ не легко приходила бы мысль основывать мануфактуры во Франціи или въ Германіи, тогда весь излишекъ своего капитала они приложили бы къ внѣшней торговлѣ. Если бы англичане находились въ положеніи необходимости, въ которомъ иногда находятся нынѣ, — эмигрировать или вложить свои капиталы за границей, они предпочли бы сосѣднимъ континентальнымъ державамъ отдаленныя мѣстности, въ которыхъ встрѣчали бы свой языкъ, законы и учрежденія. Англія обратилась бы въ одинъ громадный мануфактурный городъ. Азія, Африка и Австралія были бы ею цивилизованы и изъ нихъ она выкроила бы новыя государства на образецъ, какой подсказала бы ей ея фантазія. Со временемъ основался бы, подъ президентствомъ метрополіи, цѣлый міръ англійскихъ странъ, въ которомъ континентальныя европейскія націи терялись бы, какъ ничтожныя и безплодныя расы. Франція вмѣстѣ съ Испаніей и Португаліей несли бы миссію снабжать англійскій міръ лучшими винами и самимъ пить наихудшія. Германія не имѣла бы другого назначенія, какъ доставлять англійскому міру дѣтскія игрушки, деревянные часы, филологическіе трактаты, а иногда людей, обреченныхъ ѣздить чахнуть въ Азію и Африку, чтобы ощущать англійское коммерческое и промышленное могу-

щество и слушать англійскій языкъ. Не прошло бы много столѣтій, какъ въ этомъ англійскомъ мірѣ говорили бы о нѣмцахъ и французахъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ мы нынѣ говоримъ объ азіатскихъ народахъ".—Вотъ та перспектива, которая, по мнѣнію Листа, открывается для европейской націи, отступающей отъ своихъ національныхъ началъ во имя доктрины свободы торговли.

Теорія цѣнностей и производительныхъ силъ. Политическая экономія занимается изслѣдованіемъ богатства. Богатствомъ называютъ сумму необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ вещей, имѣющихъ мѣновую цѣнность. Очевидно, что способность создавать богатства гораздо важнѣе самого богатства, ибо безъ этой способности богатство не только не можетъ возрастать, но оно непремѣнно должно уничтожаться, т.-е. пойти на удовлетвореніе людскихъ потребностей. Въ чемъ же заключается способность создавать богатство, т.-е. причина богатства? Почти всѣ экономисты, начиная съ представителей классическаго и кончая представителями крайне соціалистическаго направленія — съ Адама Смита до Карла Маркса—говорятъ, что причина богатства заключается въ трудѣ. Несомнѣнно, что богатство не можетъ создаваться иначе, какъ посредствомъ работы тѣла или ума; но изъ этого не слѣдуетъ, что одинъ трудъ способенъ сдѣлать отдѣльнаго человѣка или націю богатыми. Мы видимъ, что въ жизни богатство людей большей частью не находится въ соотношеніи съ ихъ трудомъ. Исторія указываетъ на примѣры разоренія странъ, несмотря на значительный трудъ и экономію ихъ гражданъ. Такимъ образомъ, положеніе экономистовъ, что трудъ составляетъ причину богатства, а лѣнь — бѣдности, положеніе, которое, какъ замѣчаетъ Листъ, было высказано еще царемъ Соломономъ, не объясняетъ, почему однѣ націи богатѣютъ, а другія впадаютъ въ бѣдность. Богатство націи зависитъ отъ массы разнообразныхъ причинъ и не только матеріальнаго, но и духовнаго характера. Оно зависитъ отъ національнаго могущества, отъ географическаго положенія, отъ политическихъ

и гражданскихъ учрежденій, законовъ, религіи, нравственности и проч. Почти всѣ экономисты трактуютъ о богатствѣ и его причинахъ съ матеріалистической точки зрѣнія. Основатель политической экономіи Адамъ Смитъ подъ богатствомъ понималъ совокупность вещественныхъ продуктовъ, а потому и причину богатства видѣлъ только въ трудѣ матеріальномъ. Всякій умственный и художественный трудъ признавался имъ трудомъ непроизводительнымъ. Нелѣпость такого положенія, на которую Листъ подробно указываетъ съ особымъ сарказмомъ, настолько очевидна, что едва ли на ней стоитъ останавливаться. Уже его ближайшій послѣдователь Сэй замѣтилъ невозможность сохраненія въ наукѣ такой нелѣпости, а потому включилъ въ понятіе о богатствѣ и невещественную дѣятельность человѣка, но только какъ эквивалентъ вещественнымъ предметамъ, ею выражаемымъ. По его ученію, причина богатства заключается какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ трудѣ, но только въ той мѣрѣ, въ какой умственный трудъ способенъ творить цѣнности. Вообще, по ученію Адама Смита и его ближайшихъ послѣдователей, политическая экономія является теоріей цѣнности. Идея цѣнности служитъ основаніемъ всей ихъ доктрины. Листъ, въ противоположность теоріи цѣнности, выставляетъ теорію производительныхъ силъ. Разницу между этими двумя теоріями онъ разъясняетъ слѣдующимъ примѣромъ:

„Если два отца семейства — собственники — экономизируютъ въ годъ по 1000 талеровъ и имѣютъ каждый по пяти сыновей, причемъ одинъ отецъ семейства кладетъ свои сбереженія на проценты и занимаетъ своихъ сыновей физической работой, тогда какъ другой употребляетъ свои сбереженія на то, чтобы сдѣлать двухъ изъ сыновей интеллигентными земледѣльцами, а остальныхъ трехъ профессорами соотвѣтственно ихъ способностямъ, то первый изъ нихъ поступаетъ по теоріи цѣнности, а второй — по теоріи производительныхъ силъ. Въ моментъ ихъ смерти первый будетъ богаче въ мѣновыхъ цѣнностяхъ, но по отношенію производительныхъ силъ произойдетъ совершенно обратное. Собствен-

ность одного будетъ раздѣлена на двѣ части и каждая изъ нихъ, эксплоатируемая съ бо̀льшимъ искусствомъ, дастъ чистый доходъ, равный общему чистому доходу, ранѣе получавшемуся; въ то же время остальные три сына въ своихъ талантахъ будутъ имѣть широкій источникъ для существованія. Собственность же другого будетъ раздѣлена на пять частей, и каждая изъ нихъ будетъ такъ же худо управляема, какъ и была ранѣе вся собственность въ совокупности. Въ одномъ семействѣ было возбуждено и развито значительное количество моральныхъ силъ, талантовъ, которые будутъ увеличиваться отъ поколѣнія къ поколѣнію, и всякое новое поколѣніе будетъ обладать бо̀льшими источниками для пріобрѣтенія богатства, чѣмъ предыдущее. Въ другомъ семействѣ, наоборотъ, тупость и бѣдность будутъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ собственность будетъ все болѣе раздробляться. Подобнымъ образомъ плантаторъ увеличиваетъ посредствомъ рабовъ сумму своихъ мѣновыхъ цѣнностей, но разоряетъ производительныя силы будущихъ поколѣній".

Такимъ образомъ, всякій расходъ на образованіе, на правосудіе и на войско (который, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ либеральнаго направленія, представляется расходомъ непроизводительнымъ, потому что онъ не только не создаетъ непосредственно цѣнностей, но, напротивъ того, ихъ уничтожаетъ), съ точки зрѣнія Листа является производительнымъ, ибо уничтоженіе цѣнностей производится въ пользу усиленія производительныхъ силъ.

Христіанство, уничтоженіе рабства, единоженство, престолонаслѣдіе, изобрѣтеніе печатанія, прессы, почты, монетной системы, учрежденіе полиціи, обезпечивающей безопасность гражданъ, и проч. и проч. — все это составляетъ источникъ производительныхъ силъ, а, слѣдовательно, и богатства. Сэй говоритъ: „законы не могутъ создавать богатства", и на это Листъ ему отвѣчаетъ: „конечно, они не могутъ ихъ создавать, но они создаютъ производительныя силы, которыя гораздо важнѣе богатства или обладанія мѣновыми цѣнностями".

Сопоставляя теорію цѣнности съ теоріей производи-

тельныхъ силъ по отношенію націи, Листъ говоритъ: „Внѣшнія сношенія націи не должны оцѣниваться, какъ торговля купца, исключительно по теоріи цѣнности, т.-е. единственно по соображенію съ чистой пользой, ею доставляемой въ данное время; нація въ то же время должна имѣть въ виду совокупность отношеній, отъ которыхъ зависитъ ея существованіе, ея будущность, ея могущество. Нація должна дѣлать жертвы и переносить лишенія въ области матеріальнаго богатства для пріобрѣтенія умственныхъ и соціальныхъ силъ; она должна жертвовать выгодами въ настоящемъ для того, чтобы обезпечить себѣ выгоды въ будущемъ“.

Разсуждая съ точки зрѣнія теоріи цѣнностей и оцѣнивая дѣятельность націи, какъ купца, очевидно, что она должна покупать нужные ей продукты тамъ, гдѣ ихъ можно достать дешевле; что безумно заниматься производствомъ такихъ предметовъ, которые дешевле купить на сторонѣ, и что, такимъ образомъ, ввозныя пошлины представляютъ монополію въ пользу промышленниковъ въ ущербъ всей націи. Но необходимо придти къ другимъ заключеніямъ, разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія производительныхъ силъ.

„Вѣрно, что ввозныя пошлины вначалѣ удорожаютъ фабричныя произведенія, но также вѣрно и то, какъ признаетъ и сама школа (фритредеры), что впослѣдствіи у народа, способнаго къ значительному развитію промышленности, эти произведенія могутъ производиться дешевле той цѣны, по какой они могутъ ввозиться извнѣ. Если, слѣдовательно, ввозныя пошлины требуютъ жертвъ въ цѣнности, то жертвы эти уравновѣшиваются пріобрѣтеніемъ производительныхъ силъ, которыя не только обезпечиваютъ въ будущемъ безконечно большее количество матеріальнаго богатства, но, кромѣ того, промышленную независимость на случай войны. Вслѣдствіе промышленной независимости нація получаетъ возможность возвышать свою цивилизацію, улучшать свои учрежденія внутри страны и укрѣплять свое могущество внѣ ея. Нація, которая имѣетъ промышленное призваніе, прибѣгая къ протекціонной системѣ, поступаетъ точно такъ же, какъ

собственникъ, который жертвуетъ своими матеріальными цѣнностями для того, чтобы выучить своихъ дѣтей какой-нибудь производительной промышленности". Далѣе Листъ говоритъ о вывозныхъ преміяхъ. Съ точки зрѣнія теоріи цѣнности, вывозныя преміи во всѣхъ случаяхъ представляютъ не что иное, какъ подарки, которые дѣлаетъ страна тѣмъ государствамъ, въ которыя вывозятся премированные продукты. Но такими преміями одна страна можетъ разорять другую и, такимъ образомъ, подарокъ въ цѣнности иногда наноситъ громадный убытокъ производительнымъ силамъ. Подарки эти, говоритъ Листъ, похожи на тѣ, „которые султанъ имѣетъ обыкновеніе подносить своимъ пашамъ, когда онъ имъ посылаетъ цѣнный шелковый шнуръ". „Съ тѣхъ поръ, какъ троянцы были награждены греками деревянною лошадью, народу небезопасно принимать подарки отъ другого народа" „Если бы нынѣ Англія взяла на себя обязательство доставлять нѣмцамъ безплатно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ мануфактурныя произведенія, которыя имъ необходимы, мы бы не посовѣтовали нѣмцамъ принять этотъ подарокъ. Предположимъ, что англичане, вслѣдствіе новыхъ изобрѣтеній, будутъ въ состояніи фабриковать полотно на 40% дешевле, нежели нѣмцы старымъ способомъ и что этими изобрѣтеніями они воспользуются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ранѣе, нежели ими воспользуются нѣмцы; въ такомъ случаѣ одна изъ самыхъ важныхъ и старыхъ промышленностей Германіи, безъ соотвѣтствующаго покровительства, будетъ разорена, и нѣмецкая нація очутится въ положеніи человѣка, потерявшаго часть своего тѣла; но кто можетъ утѣшиться въ потерѣ одной руки потому только, что его рубашка стала на 40% дешевле?"

Наконецъ, вслѣдствіе того, что основатели классической политической экономіи не обратили должнаго вниманія на теорію производительныхъ силъ, они не придали соотвѣтствующаго значенія мануфактурной промышленности и не дѣлаютъ различія между мануфактурнымъ и земледѣльческимъ производствомъ. „Школа не замѣчаетъ, что мануфак-

турная промышленность, водворяемая въ земледѣльческой странѣ, употребляетъ съ пользою массу силъ ума и тѣла, силъ естественныхъ и инструментальныхъ, или капиталовъ, какъ ихъ называетъ школа, которые ранѣе оставались въ бездѣйствіи и которые безъ этой промышленности находились бы вѣчно во снѣ. Школа воображаетъ, что введеніе мануфактурной промышленности отнимаетъ силы у земледѣлія, перенося ихъ на фабрики, между тѣмъ, какъ она создаетъ большею частью новыя силы, которыя не отнимаются отъ земледѣлія, а, напротивъ того, помогаютъ его вящшему развитію".

Національное раздѣленіе труда и ассоціація производительныхъ силъ страны. Основатели классической политической экономіи выяснили принципъ раздѣленія труда, составляющій экономическую основу настоящаго общежитія, но они не дали этому принципу того обширнаго значенія, которое онъ имѣетъ въ дѣйствительности, ограничивъ его только примѣненіемъ къ промышленности. Листъ даетъ ему болѣе широкое значеніе. Принципъ раздѣленія труда,—говоритъ Листъ,— заключается „не только въ подраздѣленіи между нѣсколькими лицами различныхъ операцій какой-либо промышленности, но онъ представляетъ въ то же время ассоціацію дѣятельностей, знаній и различныхъ силъ для достиженія общаго производства. Производительная сила этихъ операцій не зависитъ только отъ раздѣленія, но также существенно отъ ассоціаціи". Эта идея высказывается и у Адама Смита; но Листъ ее освѣтилъ и обобщилъ. Извѣстно, что Адамъ Смитъ уяснилъ законъ раздѣленія труда на примѣрѣ производства иголокъ; онъ говоритъ о примѣненіи этого закона къ данной промышленности, къ индивидуальнымъ усиліямъ. Листъ обобщаетъ этотъ законъ. „Всякая фабрика,—говоритъ онъ,—какова бы она ни была, не можетъ процвѣтать иначе, какъ посредствомъ комбинаціи своихъ производительныхъ силъ съ силами всѣхъ остальныхъ фабрикъ". И, дѣйствительно, извѣстно, что кризисъ въ какомъ-либо производствѣ неизбѣжно отражается на остальныхъ. Обык-

новенно, напримѣръ, при бумагопрядильномъ кризисѣ, или при кризисѣ въ какомъ-либо иномъ производствѣ, смотрятъ на это бѣдствіе, какъ на бѣду бумагопрядильщиковъ и склонны смотрѣть на заботу правительства, иногда связанную съ денежными жертвами, объ устраненіи или смягченіи кризиса, какъ на личную помощь той или другой категоріи промышленниковъ, ставя иногда на видъ, что эта личная помощь дѣлается на общегосударственныя средства. Подобный взглядъ происходитъ отъ непониманія тѣснѣйшей связи между всѣми производительными силами страны. Кризисъ, не устраненный во-время въ бумагопрядильномъ или въ какомъ-либо иномъ производствѣ, неизбѣжно долженъ отразиться на производствахъ, болѣе близко съ ними связанныхъ, и, такимъ образомъ, ударъ, нанесенный какой-либо крупной промышленности, передается отъ однихъ производствъ къ другимъ, подобно волнамъ, образующимся отъ паденія камня на поверхность воды.

Далѣе Листъ говоритъ: „Увеличеніе производительныхъ силъ, какъ слѣдствіе раздѣленія промышленныхъ операцій, начинается съ фабрики и распространяется до національной ассоціаціи. Фабрика будетъ тѣмъ болѣе процвѣтать, чѣмъ болѣе въ ней подраздѣлены занятія, чѣмъ болѣе рабочіе связаны между собою и чѣмъ содѣйствіе каждому изъ нихъ наиболѣе обезпечено. Производительная сила каждой фабрики будетъ тѣмъ бо́льшая, чѣмъ болѣе развита во всѣхъ ея отрасляхъ мануфактурная промышленность страны и чѣмъ крѣпче она соединена съ другими отраслями производства. Точно также производительная сила земледѣлія будетъ тѣмъ бо́льшая, чѣмъ болѣе земледѣліе соединено мѣстными, коммерческими и политическими отношеніями съ мануфактурной промышленностью, усовершенствованной во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. По мѣрѣ развитія мануфактурной промышленности, въ земледѣліи усиливается раздѣленіе операцій и комбинація производительныхъ силъ, и потому земледѣліе возвышается до предѣла совершенства. Та нація будетъ наилучше снабжена производительными силами, а потому и будетъ богаче, которая

въ предѣлахъ своей территоріи доведетъ промышленное производство до наибольшаго совершенства, и, слѣдовательно, земледѣліе которой будетъ снабжать населеніе фабрикъ большею частью съѣстныхъ припасовъ и сырьемъ, въ которомъ оно нуждается".

Листъ въ своемъ сочиненіи неоднократно возвращается къ положенію, что земледѣліе находится въ тѣснѣйшей связи съ мануфактурной промышленностью и что потому оно не можетъ достигнуть значительнаго совершенства при слабомъ развитіи этой послѣдней. Такъ, между прочимъ, онъ говоритъ: „Нація, преданная исключительно земледѣлію, подобна человѣку, занимающемуся матеріальнымъ производствомъ и который лишенъ руки. Торговля представляетъ только посредника между земледѣліемъ и мануфактурной промышленностью и ихъ отраслями. Нація, которая обмѣниваетъ свои земледѣльческіе продукты на заграничныя мануфактурныя издѣлія, представляетъ собою человѣка безъ руки, который опирается на чужую руку. Эта опора полезна, но она не замѣняетъ собою недостающей руки уже потому, что ея дѣятельность зависитъ отъ чужой воли. Имѣя мануфактурную промышленность, нація можетъ производить столько съѣстныхъ припасовъ и сырья, сколько ихъ будетъ потреблять собственная мануфактура; находясь въ зависимости отъ иностранной мануфактуры, она можетъ производить только такой излишекъ, каковой не могутъ произвести инстранцы и который потому они должны купить извнѣ". Итакъ, по ученію Листа, неразрывная связь земледѣлія съ мануфактурной промышленностью основывается не только на условіяхъ производства, но и на условіяхъ потребленія. Вслѣдствіе принципа раздѣленія занятій и ассоціаціи производительныхъ силъ, совершенствованіе земледѣльческаго производства зависитъ отъ совершенствованія мануфактурнаго. И, дѣйствительно, мы видимъ, что почти вездѣ съ развитіемъ мануфактурной промышленности одновременно въ данной мѣстности совершенствуется и земледѣліе. Но развитіе мануфактуръ оказываетъ еще другого рода вліяніе на развитіе земледѣлія: оно увеличиваетъ вну-

тренній спросъ на земледѣльческіе продукты и, такимъ образомъ, уменьшаетъ его колебанія въ зависимости отъ заграничныхъ событій. Какъ съ перваго взгляда ни кажутся ясными эти положенія, тѣмъ не менѣе, ихъ многіе не сознавали и нынѣ еще не сознаютъ. Сколько разъ проповѣдывалось и теперь проповѣдуется, что Россія страна земледѣльческая, что нужно стараться совершенствовать именно эту отрасль народнаго хозяйства и что потому абсурдно искусственно создавать національную мануфактуру. Очевидно, эти проповѣдники не понимаютъ, что совершенствованіе земледѣлія немыслимо безъ равносильнаго развитія мануфактуръ. Нужно имѣть въ виду, что вышеприведенныя строки были написаны Листомъ еще тогда, когда не было помину о наводненіи Европы заатлантическими земледѣльческими продуктами. Теперь высказанныя имъ положенія пріобрѣтаютъ особое для насъ значеніе. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что вслѣдствіе развитія заатлантической конкуренціи наши земледѣльческіе продукты со временемъ будутъ встрѣчать все менѣе и менѣе выгодный сбытъ за границею. При такомъ положеніи вещей поддержаніе нашего земледѣлія можетъ быть основано, главнымъ образомъ, на развитіи внутренней мануфактуры. Все, что дѣлается и будетъ дѣлаться государствомъ непосредственно для расширенія отечественной мануфактуры, служитъ опорою для отечественнаго земледѣлія. Мы не можемъ изложить здѣсь всѣ соображенія Листа, высказываемыя имъ по поводу принципа раздѣленія занятій и ассоціаціи производительныхъ силъ, а потому въ заключеніе приведемъ слѣдующую выдержку, которая резюмируетъ эти соображенія:

„Общественная экономія націи вообще должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія принципа раздѣленія обязанностей и комбинаціи производительныхъ силъ“.

„Общее благоденствіе въ громадномъ обществѣ, называемомъ націей, представляетъ собою ту же иголку въ фабрикѣ иголокъ. Высшее раздѣленіе занятій въ націи составляетъ раздѣленіе интеллектуальныхъ занятій и занятій матеріальныхъ. Они тѣсно связаны другъ съ другомъ. Чѣмъ болѣе

интеллектуальные производители споспѣшествуютъ развитію нравственности, религіознаго чувства, свѣта, общественной свободы и прогресса, внутренней безопасности гражданъ и ихъ имущества, внѣшняго могущества и независимости націи, тѣмъ обширнѣе будетъ ея матеріальное производство; чѣмъ болѣе матеріальные производители будутъ производить цѣнностей, тѣмъ большаго успѣха будутъ достигать производители интеллектуальные". „Наисовершеннѣйшее раздѣленіе занятій, наилучшая комбинація производительныхъ силъ въ матеріальномъ производствѣ заключается въ земледѣліи, съ одной стороны, и въ мануфактурной промышленности—съ другой".

Частная экономія и національная экономія. Извѣстно, что классическая политическая экономія проповѣдуетъ полное невмѣшательство государства въ экономическую жизнь гражданъ. Проповѣдь эта основана на слѣдующемъ положеніи, провозглашенномъ Адамомъ Смитомъ. „То, что составляетъ благоразуміе въ поведеніи каждаго семейства въ частности, не можетъ ни въ какой мѣрѣ представлять сумасшествія въ поведеніи большого государства. Преслѣдуя исключительно свои собственные интересы, всякій человѣкъ неизбѣжно работаетъ въ интересахъ общества". Изъ этого положенія Адамъ Смитъ и его послѣдователи выводятъ заключеніе, что всякое стѣсненіе международной торговли съ цѣлью поощренія отечественной промышленности — нелѣпо, что нація, точно такъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, должна покупать предметы тамъ, гдѣ ихъ возможно дешевле достать, и что, такимъ образомъ, для достиженія высшаго общественнаго благосостоянія необходимо слѣдовать принципу laissez faire, laissez passer. Смитъ и Сэй уподобляютъ народъ, желающій поощрять внутреннее производство посредствомъ ввозныхъ пошлинъ, портному, тратящему трудъ на шитье для себя сапогъ, и сапожнику, который пожелалъ бы увеличить свое производство установленіемъ входной платы въ свое помѣщеніе. „Какъ!— говоритъ Листъ,—развѣ благоразуміе въ частной экономіи составляетъ также благоразуміе въ экономіи общественной?

Развѣ въ природѣ человѣка заботиться о нуждахъ будущаго въ той же мѣрѣ, какъ это въ природѣ націи и государства? Всякій, предоставленный самому себѣ, думалъ бы только о своихъ собственныхъ нуждахъ и самое большое о своемъ ближайшемъ потомствѣ; люди же, собранные въ общество, заботятся о нуждахъ и удобствахъ самыхъ отдаленныхъ поколѣній; съ этой цѣлью они подвергаютъ живущее поколѣніе лишеніямъ и жертвамъ, которыхъ ни одинъ человѣкъ съ разсудкомъ не можетъ ожидать отъ отдѣльныхъ людей. Можетъ ли отдѣльный человѣкъ, при веденіи своихъ частныхъ дѣлъ, имѣть въ виду защиту отечества, общественную безопасность и тысячу другихъ цѣлей, достижимыхъ только обществомъ? И общество не налагаетъ ли вслѣдствіе сего ограниченія на свободу людей? Не требуетъ ли оно жертвы, части ихъ прибыли, ихъ интеллектуальнаго и моральнаго труда и даже ихъ жизни?“.

Далѣе Листъ представляетъ цѣлый рядъ неотразимыхъ доводовъ, отвергающихъ вышеприведенное положеніе классической политической экономіи, отожествляющее *идею частной экономіи съ идеей экономіи національной.* Мы не станемъ останавливаться на этихъ доводахъ, такъ какъ ошибочность положенія, противъ котораго они направлены, нынѣ уже признается большинствомъ экономистовъ и сознается общественнымъ мнѣніемъ.

Такъ какъ всякая крайность вызываетъ противоположную крайность, то и принципъ государственнаго невмѣшательства во имя свободы людей вызвалъ принципъ государственнаго порабощенія, также не согласный съ ученіемъ Листа, принципъ, нынѣ проповѣдуемый школою государственнаго соціализма во имя права людей на извѣстное матеріальное благосостояніе. Обѣ эти крайности должны умѣряться правильнымъ пониманіемъ отечественной дѣйствительности, достигаемымъ проникновеніемъ общественнаго познанія національными идеями и интересами.

Что касается таможенныхъ пошлинъ, то онѣ также представляютъ мѣру, которая не достижима индивидуальной дѣятель-

ностью людей. Государство, устанавливая пошлины, не дѣлаетъ ничего такого, что отдѣльныя лица умѣютъ или могутъ сдѣлать лучше, но дѣлаетъ то, чего частныя лица не могутъ сдѣлать, несмотря ни на ихъ знанія и способности, ни на ихъ энергію. Таможенныя пошлины, не представляя собою непосредственнаго вмѣшательства въ экономическую частную дѣятельность, составляютъ охрану, обезпечивающую и развивающую эту дѣятельность. „Увѣреніе школы, — говоритъ Листъ, — что протекціонная система влечетъ за собою незаконное и анти-экономическое вмѣшательство правительства въ употребленіе капиталовъ и промышленную дѣятельность частныхъ лицъ, падаетъ само собою, если имѣть въ виду, что причина такого вмѣшательства заключается въ коммерческихъ порядкахъ, устанавливаемыхъ иностранцами, и что только посредствомъ протекціонной системы возможно отстранить гибельныя послѣдствія, проистекающія отъ чужеземной политики. Когда англичане (говоря о Россіи, слѣдовало бы сказать — нѣмцы) устраняютъ зерновые продукты изъ своихъ рынковъ, то развѣ они не воспрещаютъ нашимъ земледѣльцамъ сѣять хлѣбъ, который при свободномъ ввозѣ они отправили бы въ Англію? Когда они устанавливаютъ на нашу шерсть, наши вина, наше строительное дерево столь высокія пошлины, что отправка этихъ продуктовъ въ Англію почти прекращается отъ мѣропріятій британскаго правительства, то развѣ нѣкоторыя изъ отраслей нашихъ промышленностей не сокращаются отъ мѣропріятій сего правительства? Слѣдовательно, очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ иностранныя законоположенія даютъ нашимъ капиталамъ и производительнымъ силамъ такое направленіе, котораго они сами по себѣ не приняли бы. Изъ этого ясно, что, если мы не будемъ давать отечественной промышленности, посредствомъ нашего законодательства, направленія, согласнаго съ собственными національными интересами, то этимъ мы не помѣшаемъ чужимъ странамъ направлять нашу промышленность въ ихъ интересахъ и останавливать развитіе нашихъ производительныхъ силъ. Но что благоразумнѣе и выгоднѣе для

нашихъ гражданъ: предоставить направлять нашу промышленность иностранному законодательству, или же направлять ее самимъ сообразно нашимъ выгодамъ?“.

„Когда школа, — продолжаетъ Листъ, — проповѣдуетъ, что покровительственныя пошлины предоставляютъ туземнымъ фабрикантамъ монополію въ ущербъ потребителямъ, то она занимается дурнымъ ябедничествомъ; ибо всякій человѣкъ въ странѣ свободенъ эксплоатировать внутренніе рынки, обезпеченные національной промышленностью, значитъ — не можетъ быть рѣчи о частной монополіи; покровительственныя пошлины устанавливаютъ только привилегію для всѣхъ нашихъ соотечественниковъ сравнительно съ иноземцами, привилегію тѣмъ болѣе законную, что подобными же привилегіями пользуются иноземцы у себя дома, слѣдовательно, покровительственныя пошлины только ставятъ нашихъ соотечественниковъ на одинаковую съ ними доску. Покровительственныя пошлины не устанавливаютъ абсолютной привилегіи ни въ пользу производителей, ни въ ущербъ потребителей; ибо если производители запрашиваютъ вначалѣ преувеличенныя цѣны, то это происходитъ потому, что они должны уравновѣшивать значительный рискъ, потери и громадныя жертвы, всегда имѣющія мѣсто при организаціи производства. Но противъ несоотвѣтствующаго преувеличенія барышей и ихъ продолжительности потребители находятъ гарантію во внутренней конкуренціи, которая затѣмъ проявляется и которая обыкновенно роняетъ цѣны значительно ниже тѣхъ размѣровъ, которые имѣли бы мѣсто только при заграничной конкуренціи. Если земледѣльцы, которые составляютъ главныхъ потребителей мануфактуръ, платятъ за фабричныя издѣлія дороже, то они за это неудобство широко вознаграждаются усиленіемъ спроса на земледѣльческіе продукты и увеличеніемъ ихъ стоимости“.

Но если даже согласиться съ положеніемъ, выставленнымъ классической политической экономіей, что собственный интересъ заставляетъ людей производить цѣнности лучше, чѣмъ всякія мѣры правительства, и что потому свободной

дѣятельностью наилучшимъ образомъ достигается увеличеніе богатства страны, которое представляетъ собой только сумму богатства частныхъ лицъ, то все-таки изъ этого нельзя вывести заключенія о томъ, что покровительственныя пошлины не только всегда излишни, но и вредны, ибо богатство страны зависитъ не только отъ количества цѣнностей, но и отъ производительныхъ силъ страны. Если же цѣнности, которыми обладаетъ страна, составляютъ сумму цѣнностей ея населенія, то производительныя силы страны не состоятъ изъ суммы производительныхъ силъ населенія. Производительныя силы страны, какъ это было указано ранѣе, зависятъ вообще отъ политическаго и соціальнаго положенія націи и, въ частности, отъ степени развитія въ ней раздѣленія труда и ассоціаціи этихъ силъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Листа, ошибка классической политической экономіи въ ея воззрѣніяхъ вообще на государственное вмѣшательство и, въ частности, на покровительственныя пошлины заключается также въ томъ, что она разсматриваетъ интересы націи съ точки зрѣнія ариѳметической суммы интересовъ лицъ, ее составляющихъ. Очевидно, что такимъ образомъ классическая политическая экономія не устанавливаетъ „системы національной экономіи“, но „систему частной экономіи народа или человѣчества“. Поэтому-то она и не дѣлаетъ различія между народами, достигшими различной степени экономическаго совершенства, прилагая къ нимъ всегда однѣ и тѣ же мѣрки.

„Дѣйствительно, — говоритъ Листъ, — въ царствующей теоріи политическая экономія такъ похожа на частную экономію, что Ж. Б. Сэй, когда, въ видѣ исключенія, дозволяетъ государству покровительствовать національной промышленности, то ставитъ условіе, что покровительство это дозволительно только тогда, если можно предполагать, что черезъ нѣсколько лѣтъ эта промышленность будетъ имѣть возможность жить собственными силами; такимъ образомъ, онъ ее разсматриваетъ, какъ ученика сапожника, которому для изученія сапожнаго ремесла даютъ только нѣсколько лѣтъ,

дабы онъ могъ затѣмъ обходиться безъ помощи своихъ родныхъ".

Національность и національная экономія. Итакъ, классическая политическая экономія, или, какъ ее называетъ Листъ, школа, представляетъ слѣдующіе существенные недостатки: „во-первыхъ, химерическій космополитизмъ, который не понимаетъ національности и потому не занимается національными интересами; во-вторыхъ, безжизненный матеріализмъ, который видитъ всюду только мѣновыя цѣнности, не принимая во вниманіе ни нравственныхъ, ни политическихъ интересовъ настоящаго и будущаго, ни производительныхъ силъ націи; въ-третьихъ, партикуляризмъ, разрушительный индивидуализмъ, который, не вѣдая природы соціальнаго труда и дѣйствія ассоціаціи производительныхъ силъ въ ея наиболѣе возвышенныхъ проявленіяхъ, въ сущности разсматриваетъ лишь частную промышленность въ томъ видѣ, въ какомъ она развивалась бы при свободѣ отношеній во всемъ человѣчествѣ, если бы оно не было расчленено на различныя націи".

Она упускаетъ изъ виду, что между отдѣльнымъ человѣкомъ и человѣчествомъ существуетъ еще особая экономическая единица — нація. Эта единица представляетъ собою нѣчто органически цѣлое, связанное вѣрою, отдѣльностью территоріи, кровью, языкомъ, литературою и народнымъ творчествомъ, нравами и обычаями, государственными началами и учрежденіями, инстинктомъ самосохраненія, стремленіемъ къ независимости и прогрессу и проч. Единицы эти не выдуманы людскою фантазіею или капризомъ, а сложены исторически, самою природою и законами общежитія. Онѣ составляютъ необходимое условіе общечеловѣческаго развитія. „Цивилизація человѣчества, — говоритъ Листъ,— недостижима иначе, какъ посредствомъ цивилизаціи и развитія націй, точно такъ, какъ отдѣльный человѣкъ, главнымъ образомъ, посредствомъ націи и въ ея лонѣ достигаетъ умственнаго развитія, производительной силы, безопасности и благоденствія".

Между націями существуютъ громадныя различія. Между ними встрѣчаются великаны и карлики, могущественныя и разлагающіяся, достигшія совершенства въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи, — и находящіяся въ варварскомъ состояніи. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ націи, такъ же, какъ и отдѣльные люди, обладаютъ инстинктомъ самосохраненія, а потому ради сохраненія независимости готовы на чрезвычайныя жертвы. „Миссія политической экономіи,—говоритъ Листъ, — заключается въ экономическомъ воспитаніи націй съ цѣлью приготовленія ихъ ко вступленію, въ будущемъ, во всеобщую международную ассоціацію".

Что же нужно націи для того, чтобы признавать ея положеніе нормальнымъ? Она должна прежде всего занимать достаточное пространство, снабженное разнообразными матеріальными источниками богатства и соотвѣтствующимъ сему пространству населеніемъ. Въ этомъ заключаются основныя условія моральнаго и матеріальнаго развитія націи и ея политическаго могущества. Нація съ недостаточной территоріей и населеніемъ, въ особенности, если населеніе это имѣетъ неодинаковый языкъ, не можетъ разсчитывать на значительное и прочное развитіе литературы, наукъ и искусствъ. При маломъ протяженіи она не можетъ развить всѣ области труда и дать надлежащій ростъ раздѣленію занятій и ассоціаціи производительныхъ силъ. Она должна имѣть свободный доступъ въ океаны; въ противномъ случаѣ нація не можетъ обладать національнымъ флотомъ и имѣть всесвѣтное политическое значеніе — вліять на народы отставшей культуры и имѣть средство для прочной и независимой международной торговли. Ея территорія должна быть болѣе или менѣе очерчена морями, рѣками и горами. Но экономическое значеніе націи еще не обусловливается этими элементами; оно зависитъ также отъ религіи народа, его нравственныхъ началъ, его государственныхъ идей и всѣхъ его индивидуальныхъ особенностей. При экономическомъ развитіи, націи послѣдовательно переживаютъ слѣдующія состоянія: дикое, пастуше-

ское, земледѣльческое, земледѣльческое и мануфактурное, и наконецъ, одновременно — земледѣльческое, мануфактурное и торговое.

Исторія указываетъ, что послѣдовательный переходъ націй до послѣдней изъ указанныхъ стадій ихъ развитія совершается лучше всего посредствомъ свободной торговли съ націями болѣе культурными, но установленіе въ странѣ болѣе или менѣе совершенной мануфактурной промышленности, созданіе значительнаго національнаго флота и развитіе обширной всесвѣтной торговли нигдѣ не достигалось и не можетъ быть достигнуто иначе, какъ посредствомъ государственнаго содѣйствія. Это содѣйствіе и выражается установленіемъ протекціонной системы, заключающейся въ таможенныхъ пошлинахъ, различныхъ преміяхъ и т. п. Безъ протекціонной системы еще ни одна страна не переходила изъ земледѣльческаго состоянія въ состояніе значительнаго развитія мануфактурной промышленности, національнаго флота и всесвѣтной торговли. Когда, наконецъ, страна достигнетъ высшей стадіи своего экономическаго развитія, ея національныя мануфактуры и флотъ настолько окрѣпнутъ, что будутъ находиться внѣ опасности отъ иностранной конкуренціи, то въ ея интересѣ постепенно возвращаться къ полной свободѣ торговли. Фритредеры утверждаютъ, что для націи рѣшительно все равно, обмѣниваетъ ли она свои мануфактуры на иностранные земледѣльческіе продукты, или свои земледѣльческіе продукты на иностранную мануфактуру, и это имъ также служитъ однимъ изъ основаній отрицать необходимость пошлинъ для развитія отечественной мануфактуры. Въ этомъ мнѣніи, замѣчаетъ Листъ, заключается полное непониманіе природы экономическихъ международныхъ отношеній. По его мнѣнію, „нація чисто-земледѣльческая не можетъ развить до высокой степени свою внутреннюю и внѣшнюю торговлю, свои пути сообщенія и свой торговый флотъ; она не можетъ совершить значительныхъ успѣховъ въ умственномъ, соціальномъ и политическомъ развитіи; она не можетъ пріобрѣсть соотвѣтствующаго ея природному положенію политическаго значенія; она не въ состояніи влять на цивилизацію и про-

грессъ отсталыхъ народовъ и основывать колоніи". Страна чисто-земледѣльческая стоитъ безконечно ниже страны земледѣльческой и вмѣстѣ съ тѣмъ мануфактурной. Первая въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ всегда, въ большей или меньшей степени, зависитъ отъ иноземцевъ, которые получаютъ отъ нея земледѣльческіе продукты въ обмѣнъ на свои фабричныя издѣлія. Она не можетъ сама опредѣлить объемъ своего производства; она должна ожидать спроса заграничныхъ покупателей. Покупатели же эти, т.-е. мануфактурныя и вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльческія націи, сами производятъ громадныя массы сырья и съѣстныхъ припасовъ, а потому и требуютъ отъ земледѣльческихъ народовъ только такое количество, которое необходимо для покрытія ихъ дефицита. Слѣдовательно, чисто-земледѣльческія страны зависятъ, относительно сбыта ихъ производства, отъ большаго или меньшаго урожая въ странахъ земледѣльческихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мануфактурныхъ; онѣ, кромѣ того, имѣютъ конкурентовъ въ прочихъ земледѣльческихъ странахъ; такимъ образомъ, и безъ того ненадежные рынки сбыта, вслѣдствіе этой конкуренціи, дѣлаются еще менѣе надежными.

Фритредеры считаютъ протекціонную систему выдумкою взбалмошныхъ умовъ. Но исторія свидѣтельствуетъ, что система эта представляетъ собою средство къ національной независимости и могуществу. „Идея независимости и могущества, — говоритъ Листъ, — родится вмѣстѣ съ идеей націи. Школа не обратила на это вниманія, потому что она избрала предметомъ своихъ изслѣдованій не экономію различныхъ націй, но экономію общества вообще, иначе говоря, всего человѣчества". Если представить себѣ, что всѣ націи уничтожатся, т.-е. сольются во всемірную конфедерацію, то только тогда протекціонная система будетъ дѣйствительно взбалмошной выдумкой. Но покуда существуетъ національный антагонизмъ, проявляющійся въ различныхъ ограниченіяхъ и почти непрерывныхъ войнахъ, проповѣдь свободы торговли является полнѣйшимъ непониманіемъ дѣйствительности. „Война,—говоритъ Листъ,—производитъ разрушительное дѣйствіе въ

международныхъ сношеніяхъ. Ею земледѣлецъ одной страны совершенно отдѣляется отъ мануфактуриста, живущаго въ другой. Въ то время, какъ мануфактуристъ, въ особенности если онъ принадлежитъ къ націи торговой и съ значительнымъ флотомъ, еще находитъ возможность свободно снабжаться отъ туземныхъ земледѣльцевъ, а равно изъ тѣхъ странъ, которыя ему остаются доступными,—земледѣлецъ терпитъ вдвойнѣ отъ нарушенія взаимныхъ сношеній. Онъ ощущаетъ недостатокъ въ рынкахъ сбыта для своихъ произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ въ нужныхъ ему мануфактурахъ; онъ одновременно ощущаетъ стѣсненіе въ производствѣ и потребленіи". По мнѣнію Листа, войны для земледѣльческихъ странъ имѣютъ ту хорошую сторону, что онѣ ускоряютъ введеніе въ нихъ мануфактуръ. Перерывъ или стѣсненіе международныхъ сношеній, производимые войнами, вынуждаютъ земледѣльческія страны основывать мануфактуры, которыя, если, конечно, страна управляется лицами, понимающими ея интересы, затѣмъ уже должны по необходимости поддерживаться надлежащей протекціонной системой.

Большая нація должна базировать свою экономическую жизнь на внутреннемъ производствѣ и потребленіи, для чего ей необходимо пройти періодъ дѣйствія протекціонизма. „Школа,—говоритъ Листъ,—не можетъ отрицать, что внутренняя торговля народа въ десять разъ больше внѣшней даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя достигаетъ высшей степени своего развитія; но она отсюда не сочла нужнымъ вывести слѣдующее простое заключеніе: что въ десять разъ полезнѣе эксплоатировать внутренніе рынки, сохранивъ ихъ за собою, нежели искать богатства внѣ, и что внѣшняя торговля можетъ достигнуть серьезнаго значенія только тамъ, гдѣ національная промышленность дошла до степени высшаго развитія".

Когда Листъ писалъ свое сочиненіе, Германія находилась въ такой же экономической зависимости отъ Англіи, въ какой мы находимся нынѣ отъ Германіи, и потому въ заключеніи разсматриваемаго отдѣла его книги онъ даетъ слѣдую-

щій совѣтъ своимъ соотечественникамъ, который они привели въ исполненіе и который намъ не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію.

„То, что Англія значительно ушла впередъ въ мануфактурахъ, мореплаваніи и торговлѣ, не должно отклонять народы, призванные условіями своей территоріи, своимъ могуществомъ и способностями къ развитію мануфактуръ, вступить въ соперничество со страной, держащей скипетръ мануфактуръ. Мануфактуры, торговля и торговое мореплаваніе имѣютъ будущность, которая превзойдетъ настоящее настолько, насколько настоящее превосходитъ прошедшее. Достаточно имѣть мужество вѣрить въ обширную національную будущность и выступить въ путь съ этой надеждою. Но прежде всего необходимо обладать національнымъ разумомъ для того, чтобы теперь посадить и поддерживать дерево, которое дастъ громадные плоды только будущимъ поколѣніямъ. Нужно прежде всего, чтобы отечество завоевало для себя свои отечественные рынки".

Инструментальныя силы или матеріальный капиталъ страны. Листъ обращаетъ вниманіе на то, что Адамъ Смитъ и его ближайшіе послѣдователи придавали понятію о капиталѣ различное значеніе по объему. Обыкновенно подъ словомъ „капиталъ" они разумѣютъ не только матеріальныя, но и интеллектуальныя, а равно и соціальныя средства воспроизводства. Но иногда подъ этимъ словомъ они подразумѣваютъ лишь матеріальныя средства воспроизводства, т.-е. то, что Листъ называетъ инструментальными силами. На этой неопредѣленности понятія о капиталѣ Адамъ Смитъ построилъ противъ протекціонизма слѣдующее возраженіе, которое въ той или другой формѣ повторяется и донынѣ всѣми его послѣдователями:

„Въ дѣйствительности можетъ случиться, что при помощи протекціонизма страна пріобрѣтетъ ту или другую отрасль мануфактуры, скорѣе, нежели бы она ее пріобрѣла безъ протекціонныхъ мѣръ, и что послѣ нѣкотораго времени эта отрасль будетъ производиться въ странѣ такъ же дешево,

и даже дешевле, чѣмъ за границею. Но хотя это и можетъ случиться, тѣмъ не менѣе, изъ сего отнюдь не слѣдуетъ, чтобы общая сумма промышленности или доходовъ общества могла когда-либо отъ сказанныхъ мѣръ увеличиться. Промышленность общества можетъ увеличиваться лишь въ мѣрѣ увеличенія его капитала, а этотъ капиталъ можетъ увеличиваться только въ пропорціи сбереженій общества. А такъ какъ протекціонныя мѣры имѣютъ ближайшимъ послѣдствіемъ уменьшеніе общественныхъ сбереженій, то, несомнѣнно, что то, что уменьшаетъ сбереженія общества, не можетъ увеличить его капитала скорѣе того, какъ бы онъ увеличался самъ по себѣ, если бы оставили капиталъ и промышленность искать ихъ естественное назначеніе".

Листъ указываетъ, что приведенное разсужденіе Адама Смита, на которомъ базируются всѣ его послѣдователи, совершенно неправильно, такъ какъ оно основано на цѣломъ рядѣ погрѣшностей.

Прежде всего очевидно, что въ немъ Адамъ Смитъ придаетъ капиталу узкое, такъ сказать, меркантильное значеніе, подразумѣвая подъ этимъ словомъ мѣновыя цѣнности. Затѣмъ неправильно указаніе на то, что доходы націи зависятъ исключительно отъ матеріальныхъ цѣнностей. Эти доходы зависятъ преимущественно отъ массы интеллектуальныхъ и физическихъ силъ народа, отъ его соціальнаго и политическаго прогресса и, главнымъ образомъ, отъ болѣе совершеннаго раздѣленія труда и производительныхъ силъ страны. Увеличеніе матеріальныхъ капиталовъ страны происходитъ преимущественно отъ преобразованія непроизводительныхъ силъ природы въ цѣнные предметы. Въ разсужденіи Адама Смита совершенно упускается изъ виду вліяніе на увеличеніе богатства цивилизаціи, могущества страны, ея большей или меньшей независимости. Оно не принимаетъ во вниманіе, что протекціонизмъ привлекаетъ въ страну иностранные капиталы. Оно совершенно бездоказательно утверждаетъ, будто бы мануфактуры могутъ водворяться въ странѣ сами по себѣ естественнымъ путемъ, ибо исторія показываетъ, что всюду мэну-

фактура создавалась посредствомъ протекціонизма. Оно вообще уподобляетъ націю рантьеру. Но теорія сбереженій, годная для купца, привела бы націю къ нищетѣ, къ безсилію, варварству, къ разложенію. Тамъ, гдѣ всякій сберегаетъ и лишаетъ себя всего того, что можетъ лишить — нѣтъ никакого стимула къ производству. Тамъ, гдѣ всякій бы думалъ только о сбереженіяхъ мѣновыхъ цѣнностей, уничтожились бы интеллектуальныя силы, безъ которыхъ невозможно производство. Нація, составленная изъ такихъ скупердяевъ, отказалась бы отъ самозащиты, и тогда, когда всѣ ея сбереженія сдѣлались бы достояніемъ иностранцевъ, она поняла бы, что богатство страны достигается иными путями, нежели богатство рантьера. Даже благоразумный рантьеръ не могъ бы придерживаться теоріи сбереженій. Онъ во всякомъ случаѣ долженъ предпочесть, и именно для увеличенія мѣновыхъ цѣнностей, дать надлежащее образованіе своимъ дѣтямъ—въ ущербъ своимъ сбереженіямъ.

Орудія обращенія. Опытъ многократно доказалъ (въ Америкѣ, Россіи), что если земледѣльческая страна съ неокрѣпшей мануфактурой держится свободнаго обмѣна, то часто случается, что ввозъ въ нее иностранныхъ мануфактуръ значительно превышаетъ вывозъ сырья, и тогда золото, находящееся у нея въ обращеніи, уходитъ за границу, что влечетъ за собою страшныя экономическія потрясенія, въ особенности тогда, когда денежное обращеніе въ странѣ основывается преимущественно на бумажныхъ орудіяхъ обращенія. Послѣдователи Адама Смита утверждаютъ, что драгоцѣнные металлы пріобрѣтаются такъ же, какъ всякіе другіе товары; что количество драгоцѣнныхъ металловъ, находящееся въ обращеніи, безразлично, ибо съ уменьшеніемъ ихъ количества равномѣрно удешевляются всѣ предметы и продукты, на нихъ пріобрѣтаемые; что при такомъ удешевленіи является премія на вывозъ товаровъ и, слѣдовательно, ввозъ денегъ въ страну и что, такимъ образомъ, естественнымъ путемъ возстанавливается равновѣсіе.

Листъ опровергаетъ возможность возстановленія сказан-

наго равновѣсія въ денежномъ обращеніи „естественнымъ путемъ“. Онъ признаетъ, что эта теорія совершенно справедлива по отношенію внутренней экономической жизни, по отношенію соединившихся между собою странъ (напримѣръ, Англія, Ирландія и Шотландія, Австрія и Венгрія), но она ошибочна по отношенію отдѣльныхъ странъ. Экспортъ и импортъ независимыхъ странъ въ настоящее время не регулируется естественнымъ путемъ; они преимущественно зависятъ отъ коммерческой политики страны, отъ ея могущества, отъ ея мірового значенія, отъ ея иностраннаго вліянія, отъ ея колоніальныхъ владѣній, отъ ея кредита и, наконецъ, отъ мира или войны. „Здѣсь, слѣдовательно,—говоритъ Листъ,—существуютъ совершенно иныя отношенія, нежели между обществами, соединенными между собою политическими, административными и законодательными связями и потому находящимися въ постоянномъ мирѣ и совершенномъ единеніи интересовъ“. Затѣмъ, изъ подробнаго историческаго разсмотрѣнія коммерческихъ отношеній между Англіей и Соединенными Американскими Штатами Листъ выводитъ слѣдующія заключенія:

1) Страна значительно болѣе бѣдная капиталами и мануфактурами сравнительно съ другимъ государствомъ не можетъ предоставить широкій ввозъ къ себѣ его фабричныхъ продуктовъ безъ того, чтобы не сдѣлаться его постояннымъ дебиторомъ, не поставить себя въ зависимость отъ его кредитныхъ учрежденій и чтобы не впасть въ постоянные коммерческіе, мануфактурные и земледѣльческіе кризисы.

2) Государство, обладающее сильными кредитными учрежденіями, можетъ для пользы своихъ фабрикъ и въ ущербъ фабричнаго производства болѣе слабой страны понижать цѣны своихъ мануфактуръ на ея рынкахъ.

3) Посредствомъ такой операціи болѣе слабая страна можетъ потреблять цѣнности въ формѣ ввозныхъ продуктовъ въ размѣрѣ бо́льшемъ цѣнности вывозимыхъ продуктовъ и недостачу вывоза пополнять деньгами.

4) Рыночныя колебанія денегъ, отъ того происходя-

щія, всегда производятъ самыя губительныя послѣдствія на экономическую жизнь націи, и въ особенности тамъ, гдѣ бумажное денежное обращеніе обезпечивается ограниченнымъ количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ.

5) Эти колебанія и кризисы, отъ того происходящіе, обыкновенно не могутъ быть предвидимы, и потому солидная кредитная система не можетъ существовать безъ равновѣсія вывоза и ввоза.

и 6) Сказанное равновѣсіе устанавливается тѣмъ труднѣе, чѣмъ свободнѣе допускается конкуренція иностранныхъ мануфактуръ съ туземными и чѣмъ больше стѣсненъ вывозъ сырыхъ продуктовъ иностранными таможенными тарифами, и чѣмъ менѣе страна будетъ зависѣть отъ заграницы въ смыслѣ необходимости покупки иностранныхъ издѣлій и продажи сырья, тѣмъ менѣе равновѣсіе это будетъ подвергаться колебаніямъ.

Далѣе Листъ обращаетъ вниманіе на то, что классическая политическая экономія въ области международной торговли не сдѣлала должнаго различія между *обладаніемъ* драгоцѣнными металлами и *способностью* обладать таковыми. Между тѣмъ это отличіе дѣлается даже въ частномъ общежитіи Ни одинъ благоразумный человѣкъ не желаетъ хранить деньги,—всякій старается отдѣлаться отъ денегъ, но всякій заботится о томъ, чтобы имѣть возможность обладать во всякое время нужною ему суммою. И чѣмъ человѣкъ богаче, тѣмъ онъ менѣе стремится къ храненію денегъ; онъ себя обезпечиваетъ только тѣмъ, чтобы въ каждый моментъ имѣть возможность воспользоваться деньгами, хранимыми въ чужихъ кассахъ. Напротивъ, чѣмъ человѣкъ бѣднѣе, чѣмъ онъ обладаетъ меньшею возможностью доставать деньги, находящіяся въ чужихъ рукахъ, тѣмъ съ большею осмотрительностью онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы имѣть въ непосредственномъ обладаніи достаточный денежный резервъ. То же имѣетъ мѣсто и по отношенію націй. Англія очень мало заботится о томъ, сколько отъ нея вывозится золота и серебра; она отлично знаетъ, что усиленный экспортъ драгоцѣнныхъ ме-

талловъ будетъ имѣть послѣдствіемъ возвышеніе у нея цѣны этихъ металловъ и дисконта, а, слѣдовательно, пониженіе цѣнъ фабричныхъ издѣлій; вслѣдствіе такого пониженія этихъ цѣнъ усиливается экспортъ сказанныхъ издѣлій, и золото и серебро въ нужномъ для нея количествѣ къ ней вернутся. Англія — это богатый банкиръ, который, не имѣя ни одного золотого въ карманѣ, можетъ во всякое время достать нужную ему сумму. Но положеніе страны бѣдной, преимущественно земледѣльческой, далеко не столь благопріятное. При усиленномъ вывозѣ изъ нея денегъ, усиленный вывозъ малоцѣнныхъ товаровъ можетъ и не привлечь обратно вывезенныхъ денегъ. Она походитъ на бѣднаго человѣка, который въ случаѣ нужды не можетъ достать нужное ему количество денегъ, а потому долженъ имѣть таковыя въ резервѣ.

„Хотя, — говоритъ Листъ, — школа очень пренебрежительно относилась къ торговому балансу, тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, между большими независимыми націями существуетъ нѣчто въ родѣ коммерческаго баланса, и для такихъ націй опасно находиться долго въ неблагопріятномъ положеніи по отношенію баланса, такъ какъ вывозъ денегъ, отъ того происходящій, производитъ сильныя революціи въ системѣ кредита и въ цѣнахъ“.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.